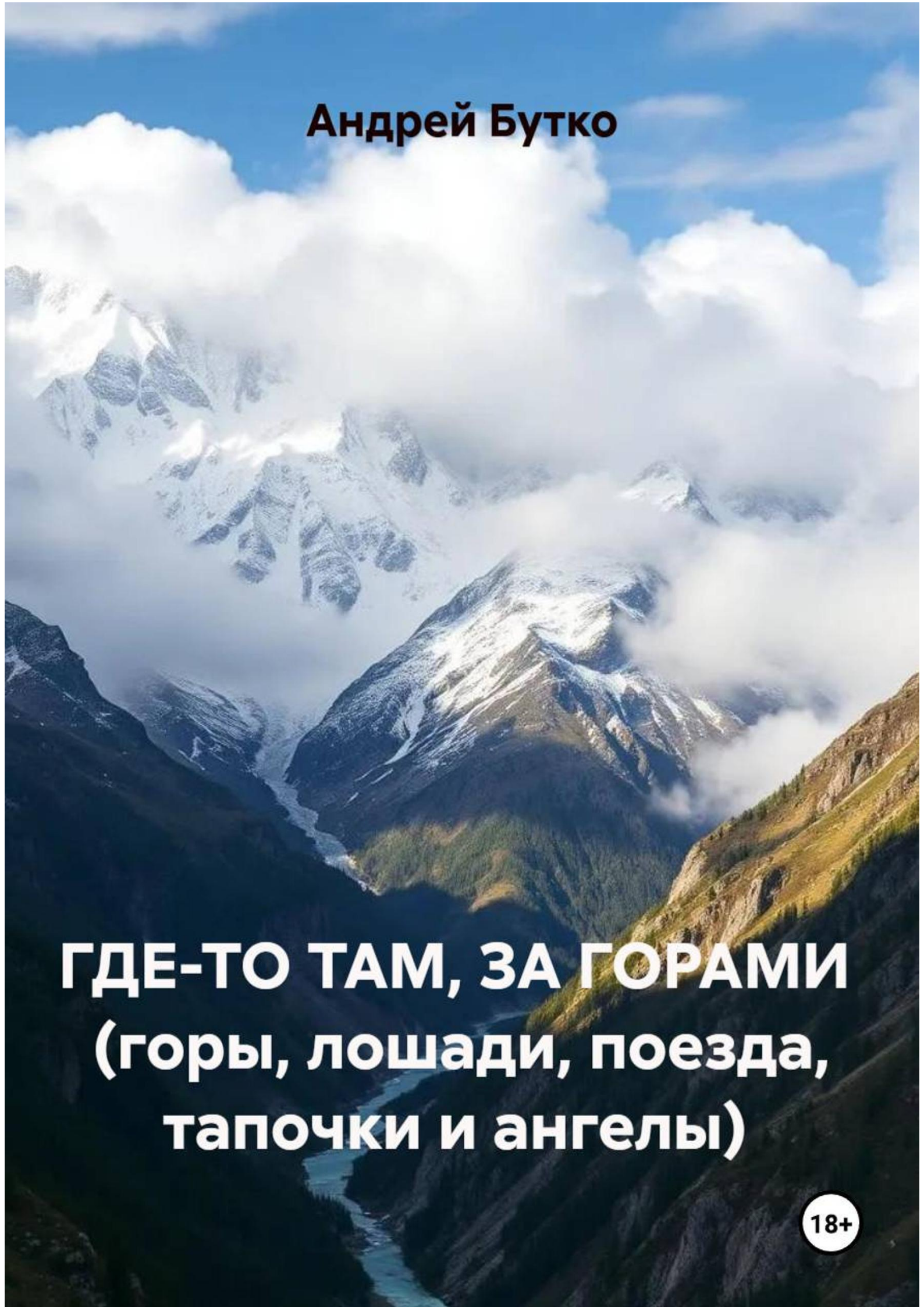

Андрей Бутко

**ГДЕ-ТО ТАМ, ЗА ГОРАМИ
(горы, лошади, поезда,
тапочки и ангелы)**

18+

Андрей Бутко

**ГДЕ-ТО ТАМ, ЗА ГОРАМИ (горы,
лошади, поезда, тапочки и ангелы)**

«Автор»

2026

Бутко А.

ГДЕ-ТО ТАМ, ЗА ГОРАМИ (горы, лошади, поезда, тапочки и ангелы) / А. Бутко — «Автор», 2026

Там, за горами ждет вожаемое море и там, за горами прошедших лет осталось самое счастливое и беспечное время. Действие происходит в семидесятих годах прошлого века. Компания друзей проводит десять дней в походе по горам верхом на лошадях, но рассказ об этом коротком веселом путешествии среди красот Кавказа обрастает воспоминаниями о других курьезных и драматических эпизодах из жизни героев. Текст наполнен мягким юмором, тонкой иронией и теплой ностальгией по ушедшей «советской» молодости.

© Бутко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «В путь! Ангел мой, иди со мной...»	5
Глава 2 «Москва – Теберда. Железная дорога»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

ГДЕ-ТО ТАМ, ЗА ГОРАМИ (горы, лошади, поезда, тапочки и ангелы)

Глава 1 «В путь! Ангел мой, иди со мной...»

(с восемью лирическими отступлениями)

То, что потом превратилось в необыкновенное и захватывающее приключение, началось в Москве в начале июля 1978 года. Я, моя первая жена Нинка Макарова и все мои друзья были в то время студентами разных московских ВУЗов и только что сдали летнюю сессию. Гнетущее нервное экзаменационное напряжение было сброшено, и мы, выдохнув с облегчением, устремили свои ищущие взоры в ближайшее будущее с важным и насущным вопросом: как провести положенные студентам возжеленные каникулы так, чтобы не было мучительно больно за упущенное ценнейшее время долгожданного лета.

Компания у нас была небольшая, но сплочённая, и народ весь проверенный в деле. А дела, в основном, сводились к весёлым сумасбродствам, безостановочным танцам под громкую рок-музыку на квартирных вечеринках, энергию для которых нам добавляли горячительные напитки всех степеней крепости, ну и, конечно, добрая закуска, если повезёт. Закуска всегда заканчивалась первой. А главное — нас переполняло бесконечное желание всё попробовать, всё увидеть, услышать, понюхать и пощупать. Ну, вы понимаете. В общем, сообразно возрасту, которому присуща бездумная открытость для всего нового, главным образом для новых впечатлений и новых любовных переживаний.

Я уже теперь и не вспомню, кому из нас пришла в голову оригинальная идея поехать тем летом для разнообразия не в любимый и уже ставший родным с его неповторимым кавказским колоритом городок Гудауту на солнечном побережье Абхазии, как обычно, а куда-нибудь ещё. Открыть новые места, расширить кругозор, познакомиться с многообразием красот родных краёв, увидеть новые пейзажи, так сказать.

Про зарубежные красоты тогда даже и не задумывались! Какое там, и в голову не приходило! Жили-то за «железным занавесом». Правда, жили не тужили, а зарубежье казалось неким раем, потусторонним миром, который существует сам по себе, а мы сами по себе. Там дешёвые фирменные джинсы, там слушают ту музыку, которую хотят, смотрят фильмы с обнажёнными телами и собираются на рок-фестиваль в Вудстоке. Рай! Но на другой планете. Это уже много лет спустя у молодёжи вошло в норму кататься на отдых в разные жаркие и экзотические страны на моря и океаны.

А тогда при нашем советском «невыходном» режиме о таком даже и помыслить было невозможно! Да и не нужно. В то время мы жили в огромной стране, в которой можно было найти всё, что душе угодно, любой климат — от приполярного до субтропиков, любой тип водоёма — от пруда, реки, озера до моря, хочешь тёплого, хочешь холодного, и даже до океана. Любой пейзаж — степной, лесной, горный и даже лунный. Наши кинематографисты это хорошо знали, у нас, никуда не выезжая (хотя, конечно, им очень хотелось!), можно было снять панораму любой страны мира и любого континента!

В общем, для новых впечатлений — все возможности. Катайся — не хочу! Да и проезд из края в край нашей бескрайней страны был вполне по карману любому. И мы, студенты, тоже катались. Собирались и ехали. Были бы только билеты. Но ездили в основном в проверенные места, главным образом — курортные, как они тогда назывались. Вот — родимая Абхазия, Краснодарский край, ну Крым, может быть, ещё Прибалтика. Но с Прибалтикой у меня как-то не сложилось.

В августе 1975-го года мой сосед по дому и приятель с горшка Сашка Вигдоров вытащил меня в Пярну, это в Эстонии, если кто-то забыл. Он заявил: «В прошлом году ездили в Гудауту, на Юг, на Чёрное море, давай в этом поезде на Север, на Балтийское море! Для баланса и сравнения». Резонно. Ну, я и согласился. Так я там проклял всё – море холоднющее, люди на пляже под солнцем в шезлонгах в свитерах загорают, а какой-то тощий пожилой псих плавал в футболке и с градусником в руках. Да и не поплаваешь особенно – идёшь, идёшь по этой мутной холодной водичке, и всё по колено. Уже и купаться расхотелось. Да, честно говоря, не очень-то и хотелось по такой погоде и в такой студёной воде. Одно название – море! Так уж, из принципа – ну как быть у моря и не искупаться? Нонсенс какой-то!

Ну побежал. Бегу, бегу вприпрыжку от берега в сторону горизонта, вскидываю ноги повыше над мелкой мутной рябью, как петух на жаровне, чтобы бежать побыстрее, думаю: сейчас как занырну, наконец! Но нет – всё по колено. Берег всё дальше, горизонт всё ближе, а воды всё по колено и по колено. Запал уже весь вышел, купаться охота прошла, послал всё к черту, присел в воду пару раз, обмакнулся до пояса, намочил плавки и тем же манером – бегом, обратно на берег согреться. Но галочку поставил – в Балтийском море купался! Вот тебе и море, вот она твоя Прибалтика!

И что тут вообще делать? Ни тебе остренького харчо, ни шашлыка под красное вино, ни загорелых девочек, одни клятые пышные сладкие булки на каждом углу да «пиима бары»! То бишь молочные бары, в которых тусовались еврейские бабушки со своими кругленькими ухарчованными внучатами. Но, правда, были там ещё и рестораны, да какие – улёт! По сравнению с тогдашними московскими, в которые ещё и не попадёшь никогда, просто фантастика, прямо – Европа! Ну, по крайней мере в нашем тогдашнем представлении: вкусно, культурно, официант тебе, студентишке, стул пододвигает, и всё баснословно дёшево! Мы вчетвером там вечером наедались и напивались на шесть-семь рублей! Правда, и там столик приходилось заказывать днём по дороге на море. На «море»! Ха!

А в Москве в кафе «Валдай» на Калининском проспекте (теперь Новоарбатском) один коктейль «шампань-коблер» стоил рубль двадцать! Да туда ещё пойдёшь походи. Правда, мы знали способ проникнуть во всегда под завязку забитый народом «Валдай». Дело в том, что на втором этаже, где находилось кафе, было не только само кафе, но и огромный балкон перед ним, с которого, собственно, и был вход в кафе, и этот балкон был отдан под бар. Там стояли четыре маленьких столика и тянулась вдоль стены длинная барная стойка, а всё остальное пространство этого громадного балкона над фойе первого этажа и гардеробом было свободной площадкой, где толпились и пританцовывали посетители бара с напитками в руках. И сколько туда людей помещалось, никто не знал. Да сколько влезет!

Не знал этого и строгий швейцар, страж входа в заведение с улицы, об всегда закрытые стеклянные двери которого безнадежно билась волна желающих провести вечер в «кабаке». Поэтому достаточно было протолкаться сквозь плотную толпу к дверям и проорать сквозь стекло швейцару, что идёшь в бар, а не в кафе, и двери перед тобой приоткрывались и впускали внутрь, в шум и прокуренную духоту обширного фойе. Раздевшись в гардеробе, мы поднимались по широкой мраморной лестнице мимо стеклянной пристройки администратора, притулившейся тут же сбоку на паркете балкона над вторым верхним маршем лестницы, и протирались сквозь толпу к барной стойке за напитком – «шампань-коблером», коктейлем, главным ингредиентом в котором было шампанское.

Там, на балконе, всегда гремела музыка и было полно молодежи. А из двухстворчатых дверей зала кафе вместе с рёвом оркестра и клубами табачного дыма время от времени выкачивались изрядно разгорячённые спиртным и танцами гости, которые следовали в гардероб или в туалет, расположенный на первом этаже прямо напротив схода с лестницы, и для этого им надо было пересечь площадку балкона и спуститься вниз. Как я уже говорил, лестница была шириной метра в три и спускалась от балкона двумя маршами, этакой буквой «Г» — прямо вниз и направо. Марши шли вдоль стен просторного фойе первого этажа, пол которого был выложен светлыми мраморными плитами. В общем, если упасть с этой лестницы вниз на пол фойе, то голову разобьёшь вдребезги и шею сломаешь наверняка.

И вот как-то раз топчемся мы с Сашкой под грохот какой-то заводной мелодии на этом балконе, тянем через соломинку свои коктейли из высоких бокалов и видим, как из двери кафе вываливается изрядно налитой гость — мужик лет сорока в белой рубашке без пиджака, и весьма нетвёрдой походкой этаким широким зигзагом, расталкивая плечами танцующих, пытается пересечь балкон и пробиться к лестнице, чтобы спуститься к туалету. Видно, время пришло, пузырь, что называется, позвал. И вот добирается он до этой широкой лестницы, делает по ней пару шагов вниз, спотыкаясь, поскальзываясь и путаясь в собственных ногах, преодолевает две ступеньки и теряет равновесие.

Его швыряет вправо боком на широкие перила, но перила не в состоянии остановить инерцию, и верхняя половина его тела продолжает движение дальше за перила и начинает перевешивать оставшиеся на ступенях ноги, которые отрываются от лестницы и, описывая дугу, широко раскрытыми ножницами поднимаются вверх, и мужичок, опираясь на перила тазобедренным суставом, прямой и негнувшийся, как вырезанная из картона фигура, медленно продолжая чертить высоко в воздухе своими вытянутыми ногами-ножницами широкую окружность, всё больше перевешивается через перила, и становится ясно, что сейчас он рухнет башкой вниз на мрамор фойе.

Мы с Сашкой замерли со своими соломинками во рту, понимая, что успеть сделать что-то уже невозможно. И в это мгновение из стеклянной пристройки, расположившейся на балконе как раз с другой стороны широкого лестничного марша напротив перил, и откуда, судя по всему, сквозь стеклянную стенку было отлично видно всё, что происходит на балконе и на лестнице, буквально вихрем вылетает плотная немолодая женщина, то ли администратор, то ли бухгалтер, у которой в этом стеклянном кабинете, очевидно, было рабочее место. Она мигом прыгает на ступени лестницы и успевает схватить в воздухе плывущую вверх ногу, которая была уже фактически в вертикальном положении, так что было непонятно, что же ещё удерживает падающего, и резко с силой дергает эту ногу вниз, прекращая её фатальное движение по окружности и запуская это движение в обратную сторону.

Ноги гостя оказываются снова на лестнице, а голова, которая уже была за перилами над фойе почти на уровне покинутых им ступеней, возвращается в своё нормальное положение наверху конструкции, называемой человеческим телом. Гость, не произнеся ни слова и даже не взглянув на свою спасительницу, продолжает неверный, шатающийся спуск по лестнице, хватаясь руками за широкие, отполированные деревянные перила. Он, судя по всему, даже и не успел понять, что с ним случилось и чем всё могло бы кончиться. Залитое алкоголем сознание не успело это ни отметить, ни осознать, а его спасительница так же молча и спокойно вернулась в свой стеклянный домик. Похоже, для неё это привычная, повседневная рутина — ловить гостей за ноги и спасать им жизнь. Благородная миссия, за которую, думаю, ей едва ли доплачивали. Вот так ангел-хранитель этого пропойцы руками простой женщины-бухгалтера спас своего подзащитного от верной гибели, а он, подзащитный, этого даже не понял и уж, конечно, не запомнил.

Да, так вот, возвращаясь к прелестям Прибалтики, Сашка мне: смотри, мол, красота какая, сосны торчат прямо из морского песка, всюду клумбочки-цветочки, городок чистенький, дорожки в парке выметены, домики аккуратные, люди спокойные, доброжелательные, даже когда трезвые, как ни странно, при том, что застеклённые павильончики-рюмочные, такие симпатичные и привлекательные, стоят на каждом шагу под соснами в парке, пустые, прибранные. А в них под изогнутым идеально вымытым прозрачным стеклом буфетной витрины — бутербродики на два укуса: тамошний ароматный чёрный хлеб, немного масла, а на масле распласталась вычищенная балтийская килечка с чёрной спинкой и серебристыми бочками, поверх которой нетолстый белый с желтым срез крутого яйца, и венчает это произведение кулинарного искусства мелко нарубленный зелёный лучок.

Ну да, конечно, был ещё и наш любимый огромный ресторан «Раннахооне» (не уверен, что правильно воспроизвёл необходимое количество гласных в названии), который строили ещё шведы до войны, с широкими галереями по внутреннему периметру здания на уровне второго этажа, на которых, как и в просторном зале под ними, тоже активно поглощали лангеты и заливной язычок под водочку и громогласный оркестр электроинструментов страждущие совграждане. И стояла эта машина с панорамным остеклением прямо на берегу моря, как океанский лайнер, сверкая огнями, над светлым тонким песком широкого пляжа, и с его балкона, куда гости выходили покурить, открывался чарующий вид на ленивый ночной прибой...

А мы такие гривастые, Сашка в потертых джинсах, я в полосатых, как матрас, штанах с клёшем от задницы, приталенном кожаном пиджачке с широченными лацканами и сабо на высокой платформе, отжигаем под аббовскую «Ватерлоо»! Москвичи-хиппари!

Да, конечно, была во всём этом своя прелесть, но нам-то по девятнадцать лет, нам жару подавай несусветную, вино рекой, танцы в шлёпанцах, а чаще без них, на асфальте под «шизгару» заезжей бит-группы из Ростова на танцплощадке жарким душным южным вечером. Нам ночные купания голышом давай, нам давай непринуждённые знакомства с вновь прибывшими девочками, которых на пляже определяли по степени незагорелости, так называемыми «белыми спинками»! Кстати, Сашка в Гудауте даже вечером выходил в город на ужин и следующую за ним вечернюю охоту с пляжной сумкой, которая раскладывалась в мягкий поролоновый лежачок. На всякий случай! И, в общем, бывало, доводилось ему им пользоваться в темноте на неудобном каменистом пляже или на жёсткой рыжей пыльной траве в парковых зарослях.

Но всё это там, далеко на юге, а тут погода — не пойми чего, меняется каждые два часа, то солнце, то облака, то ветер налетит, то дождь пойдёт! Да и какая тут «охота»? Прямо скажем — никакой! С тех пор я зарёкся ездить на Балтийское море, хотя вот на Тракайских озерах в Литве потом бывал неоднократно и полюбил эти места и не без причины, и не только за их красоту, уют и удивительное спокойствие! Но это уже гораздо позже, и это совсем другая история.

Итак, возвращаясь к главной теме и к нашей компании, выбирающей вариант отдыха, решили мы в этот раз рвануть в какое-нибудь новое местечко, расширить кругозор, так сказать. Вот так мы всей компанией и оказались в турагентстве на Петроверигском переулке. А компания была такая: мой одноклассник Рома Лунгин, его приятель по институту — плечистый, коренастый и слегка кривоногий Мишка Трипунов со своей женой — миниатюрной Ольгой Василенко, обладательницей умных серых глаз и аристократических манер, пожелавшей почему-то после свадьбы оставить свою родовую девичью фамилию, и ваш покорный слуга с уже упомянутой первой женой Нинкой Макаровой, высокой видной блондинкой, крупной и широкой в кости. Природа одарила её весьма привлекательной внешностью, симпатичным личиком и богатыми формами, но без излишеств, в том числе и без лишнего веса. В то время, о котором я повествую, она тоже была студенткой, но, в отличие от нас, технарей, студенткой

медицинского института. Так вот, в связи с планированием нашего отдыха следует упомянуть, что у Ромки Лунгина на август этого года была назначена церемония бракосочетания с нашей же бывшей одноклассницей Анютой, и, по идее, нам надо было выбрать даты поездки так, чтобы он успел вернуться к свадьбе. Да и мы все тоже уже были приглашены на это торжество, которое, по-хорошему, бывает раз в жизни, как известно.

Выбор вариантов организованного отдыха в турагентстве оказался весьма небогат, разумеется, и вообще чудо, что хоть что-то было. Времена-то какие! Да ещё разгар лета. Из предлагавшегося нам глянулась путёвка на турбазу в город Теберда Карачаево-Черкесской АО. На две недели. Программа: проживание на турбазе на окраине городка и выезд в горы в поход верхом на лошадках на неделю по кольцевому маршруту. В остальное время — экскурсии по местным достопримечательностям: озёрам, водопадам и прочим красотам, тренировки в верховой езде, спорт, танцы, шашлык. Кормёжка от турбазы, выпивка своя. Туристская экипировка, палатки, спальные мешки, сёдла тоже от базы. По деньгам получалось вполне приемлемо, турбаза не санаторий, бытовые условия самые простые, к тому же у нас, студентов-дневников, не было причин рассчитывать на месткомовские путёвки и льготы.

Итак, турпутёвки были куплены, и мы устремились в железнодорожную кассу за билетами на поезд до Невинномысска, а от Невинномысска до Теберды надо было ещё ехать на автобусе. Нам повезло — удалось взять билеты в одно купе для семейных и одно место в соседнем купе для Лунгина. Просто чудо — летом в южном направлении есть билеты, да ещё и купейные места! Надо заметить, что билеты тогда, по деньгам, были намного доступнее, чем теперь. Место в купе обошлось нам в двенадцать рублей, что равнялось примерно стоимости трёх бутылок водки или десятой части зарплаты инженера. А стипендия, которую платили всем студентам, закончившим семестр без «хвостов», составляла сорок рублей. Это так, для справки. Довольные таким небывалым везеньем, мы этот успех закрепили радостным распитием пары бутылочек вина на лавочке на Чистопрудном бульваре, тогда это ещё не запрещалось законом, и разошлись по домам, чтобы начать вдумчивую подготовку к отъезду.

И вот, буквально за два дня до отъезда, когда уже всё фактически было готово, вдруг к нам в гости заваливается мой добрый друг из институтской группы Славик Маркаров с четырьмя бутылками пива, которые он схватил по случаю (только завезли!) в близлежащем продовольственном магазине на углу Даева переулка. Мы тогда с Нинкой занимали одну просторную комнату с эркером в коммунальной квартире сталинского дома, а в двух других жила семья работника ЖЭКа — он сам, жена и дочка пяти лет. К ним один звонок во входную дверь, к нам — два.

Их режим и образ жизни кардинально отличались от нашего: они начинали утро с плотного горячего завтрака на общей кухне, сопровождаемого громким звоном эмалированных мисок и перекрикиваниями через коридор под бодрые звуки гимна Советского Союза, которыми настенный трехпрограммный репродуктор громкогласно оповещал страну, что уже шесть часов утра и пора идти к станкам. И уже в девять вечера они, соответственно, отходили ко сну, примерно в то время, когда у нас только начинался ужин и сбор гостей, которые расходились, как правило, далеко за полночь, под звуки какой-нибудь пластинки «Дип Пёрпл» или «Пинк Флойд». Соседи были недовольны раздражающими их нашими вечерним шумом и активностью, равно как и мы их утренней. О чем обе стороны вялотекущего культурно-классового конфликта не забывали время от времени друг другу сообщать.

Каждый вечер, отправляясь спать, я заходил на кухню и выдергивал из розетки вилку висевшего на стене радиорепродуктора, в надежде хотя бы одно утро начать без прослушивания гимна, но тщетно — ровно в шесть утра вилка оказывалась вставленной обратно в розетку, и квартира оглашалась торжественным: «Союз нерушимый...». Так и жили — они терпели нас, а мы их. А что поделаешь?

Но некоторые привычки соседей нас весьма забавляли. Очевидно, ностальгируя по оставленной деревне, они любили иногда в выходной устроить посиделки типа «у нас на заваulinке». Забирались с ногами и баяном на диван, перед диваном на полу расстилали газеты, ставили между собой тазик семечек и лузгали их, сплёвывая шелуху на газеты, время от времени делая музыкальные частушечные паузы под баян, на котором сосед, надо отдать ему должное, играл весьма лихо. По крайней мере, частушечный и «Ромашки спрятались...» репертуар ему удавался. Просить его сыграть что-нибудь из «Пинк Флойд» даже не приходило в голову почему-то.

Квартира, кстати, была довольно большой, с хорошей планировкой, с широким и длинным коридором, куда выходили двери жилых комнат. А в его дальнем от входа конце размещались друг напротив друга двери просторной ванной и огромной по тем временам кухни, площадью метров двадцать, с окном, выходившим на балкон, который примыкал к нашему эркеру. Окно было широким, трёхстворчатым, с очень низким подоконником, буквально на уровне колена. Оно было настолько широким и настолько низким, что соседи пользовались им, чтобы вылезать на наш балкон из кухни, для складирования там своих припасов. Это было до того, как мы заехали в нашу комнату и обжили свой балкон.

Прямо в кухонной стене у раковины заботливым архитектором был предусмотрен тяжёлый ковш мусоропровода, что, конечно, было удобно с точки зрения оперативного избавления от мусора, но, к сожалению, такое удобство имело и другую, мало приглядную сторону. Из этого ковша, поднимаясь по трубе мусоропровода из камеры в цоколе, куда сваливались отходы кухонной жизнедеятельности всех шести этажей дома, вылезали огромные черные тараканы, величиной с большой палец руки, и нахально расползались по кухне и коридору.

Для своих вылазок они выбирали, как правило, тёмное время суток. И, выходя ночью из комнаты в неосвещённый коридор, надо было быть готовым к тому, что под ноги будут попадаться и с громким хрустом лопаться раздавленные хитиновые спины этих мерзких здоровенных нечистоплотных жуков. А стоило зажечь свет, как они, шурша лапками, начинали быстро разбегаться во все стороны, стараясь забиться в какую-нибудь укромную щель под плинтусом или холодильником. Особенно они, мучимые жаждой, любили экскурсии в нашу просторную ванную, где метались в ванне, соскальзывая с её гладких эмалированных бортов, когда их поливали кипятком из душа.

Сосед наш был мужичком рослым, крупным и крепким. Под стать ему была и его дочурка – не по своим пяти годам крупная и тяжелая. Когда она пробегала по коридору мимо нашей двери, казалось, что по паркету с топотом проносится пара бизонов, сотрясая пол и заставляя бокалы в маленьком серванте опасно танцевать и нервно звякать. А если учесть, что передвигалась девочка только бегом, что, в общем, присуще детям её возраста, до краёв наполненным энергией, и моталась она туда-сюда непрерывно по коридору от своих комнат до кухни, ванны или туалета и обратно, и всё мимо нашей двери, то можно себе представить, как способно накопиться мрачное раздражение, особенно когда ты сидишь и пытаешься сосредоточиться на люто ненавидимом тобой бессмысленно раскрытом толстом «кирпиче» матанализа с его чёртовым дифференциальным исчислением, экзамен по которому предстоит сдавать через пару дней.

Доходило до того, что я просто искренне посылал проклятия в адрес этого, в сущности, совершенно безвинного восторженного существа, мотавшегося мимо моей двери, просто не справлявшегося с переполнявшей её радостью и силой жизни. Я даже пожелал, чтобы она зацепилась на бегу за ножку выставленного давным-давно в коридор за дверь старого торшера без абажура и грохнулась бы уже наконец! И вдруг... Вы не поверите, не успел я отправить своё горячее пожелание к небесам, как услышал за дверью деревянный звук потревоженного торшера, прервавший приблизившийся топот в его высшей точке слышимости у моей двери, и

следом грохот падающего на паркет после короткого полёта грузного тела. Секундная пауза, тишина и затем нарастающий громкий рёв, обычно сопровождающий падение ребенка!

Я вдруг мгновенно испытал такую вспышку злорадного торжества, что мне стало даже стыдно. «Это же ребенок!» — воскликнул я мысленно, укоряя себя за неуместную бесчеловечную эмоцию, но приятное злорадное чувство удовлетворения не покидало меня. А потом я уже задумался: ну вот что это — мой «чёрный» глаз, восстановление вселенского баланса справедливости или работа заботливого ангела-хранителя, выполнявшего моё горячее пожелание? А может быть, это был не ангел, а как раз наоборот? Да...

И вот в эту нашу коммунальную квартиру, нашу уютную светлую комнату с эркером и длинным балконом заскочил в гости Славик, весь такой озабоченный вопросом: как провести оставшуюся после сессии часть лета? Тогда завалиться в гости к друзьям без звонка, предупреждения и приглашения было в порядке вещей, и никого это не напрягало, даже наоборот, мы всегда были рады компании и спонтанным посиделкам.

Кстати, с нашим первым знакомством со Славиком тоже связана одна любопытная история. Я перешел с вечернего на дневное отделение института и появился в новой группе одновременно со Славиком, который как раз вышел из академического отпуска. Славик был добрым, открытым, приветливым, веселым, симпатичным парнем, с густой черной шевелюрой, чем-то похожим на «битла» Пола Маккартни и актера Донатаса Баниониса одновременно, в их молодые годы. В тот же первый учебный день сентября в нашу группу влилась ещё одна новая девушка, весьма привлекательная, высокая, стройная, с отличной фигурой и длинными ногами, мастер чего-то там в бальных танцах — Елена.

В начале первой «пары» декан устроил перекличку-знакомство, и выяснилось при поочередном вставании, что все мы, трое вновь прибывших, объединены ещё и уникальными отчествами, доселе неслыханными в простом обществе студентов-технарей. Славик оказался Рафаэлевичем, Елена — Цезаревной, ну а я, как известно — Гелиосовичем. Впрочем, от наших приличных сокурсников, коротко подстриженных и одетых в тёмные свитера, пиджаки и отутюженные брюки, мы отличались ещё и внешне: длинноволосые, в «джинсе» и сабо, а Ленка в умопомрачительных, ярких, бесстыдных сарафанах с вырезами и разрезами, в которых просверкивало её безупречное загорелое спортивное тело. А ей было чем сверкнуть. Так мы друга друга заприметили и быстро спелись. Да и спились потом тоже неплохо.

Так вот, сидим мы, значит, со Славиком этим жарким летним днём у нас за столом в эркере, на столе запотевшие зелёные бутылки с пивом, все окна в эркере и балконная дверь за полоской неподвижного тюля раскрыты нараспашку, глядим на красивое стройное жёлто-белое здание Оргкомитета Олимпиады-80 напротив, на противоположной стороне переулочка, своими выступающими из фасада башнями напоминающее средневековый замок, болтаем обо всём и ни о чём, под негромко поющую пластиночку «Бони-Эм». Славик выходит время от времени покурить на длинный балкон, бегущий от эркера вдоль стены дома под тем самым широким кухонным окном.

Балкон нависал прямо над тротуаром переулка, и Славик грустно смотрел, облокотившись на перила, с высоты третьего этажа на вяло текущую жизнь тихого летнего московского переулочка внизу: на изредка проезжающий автомобиль или бредущего в магазин, раздавленного жарой прохожего, позвякивающего сумкой с пустыми бутылками, которые он взял с собой на обмен, рассчитывая раздобыть свежего холодного пива. Видно, людская молва разнесла, что в магазин на углу Даева «завезли» пиво, вот он и отправился в поход за желанным напитком. Теперь трудно представить, что в те времена просто так прийти в любое время в магазин и купить пару бутылок пива было невозможно. Пиво привозилось в магазин и тут же раскупалось на корню. Иногда можно было случайно налететь на вчерашнее пиво, но его брали только совсем уж страждущие и беспринципные.

Дело в том, что тогда консервированного пива, которое мы пьем сегодня, не было – пиво поступало в продажу свежим, живым и уже на второй день скисало, как молоко, которое, кстати, тогда тоже скисало на второй день. Прокисшее пиво определялось по осадку в виде желтых хлопьев, выпадавших на дно бутылки. Ну, ещё можно было прочесть дату выпуска, которая двумя цифрами от «1» до «31» выпукло была выдавлена в середине металлической крышки, а по краю крышки шла такая же выпуклая надпись «Жигулёвское». И больше никаких этикеток и бумажек на бутылке не было – просто голая бутылка зелёного стекла и крышечка с надписью и цифрами, которую, за неимением открывашки, сковыривали об любой твёрдый предмет: угол здания, подоконник или крышку стола.

И сдавать такую бутылку, когда она становилась пустой, было одно удовольствие – сполоснул изнутри водичкой и готово, не надо ничего отклеивать, отмачивать и отдирать. А стеклянную посуду тогда, как известно, не выбрасывали, а сдавали обратно в магазин или в специальный пункт приёма стеклотары. Она денег стоила, и немалых! Например, из 37-и копеек, которые мы платили за бутылку пива, 25 копеек стоило само пиво, а 12 копеек – бутылка, в которую оно было налито. И сдав три пустые бутылки, можно было взять одну полную, добавив копейку. Считай, бесплатно!

А самой нелюбимой посудой на сдачу была бутылка из-под шампанского с её горлышком, надёжно обклеенным фольгой, которую приходилось соскабливать ножом. Потому что принимали посуду, только очищенную от всяких наклеек. Так что из похода за пивом можно было вернуться триумфатором с сумкой, полной вожаделенного напитка, можно было с пустыми руками, а можно было... и совсем не вернуться. Это я вот в связи с чем вспомнил.

Как-то раз таким же летним днем шёл и я по переулку, так же позвякивая пустыми бутылками на обмен в хозяйственной сумке. Тогда все в магазин ходили со своими сумками или плетёными авоськами, потому что пластиковых пакетов в то время в СССР не знали, не знали настолько, что, когда ко мне случайно попал привезённый из-за границы плоский пластиковый пакетик с нанесённой на него рекламой пива «Карлсберг»: «Carlsberg – The Glorious Beer of Copenhagen!», я ходил с ним гордо года три, приспособив носить в нём тетради и книги в институт, иногда подшивая суровой ниткой начинавшую отрываться от довольно плотного тела пакета усиленную часть с прорезными ручками. Ха! А если добавить к этому ещё широкие клешы из материи, как будто сшитой как лоскутное одеяло из разных кусков потёртых джинсов, футболку с изображением зелёного доллара во всю грудь с надписью на нём «One Billion Dollars Baby», массивные тупорылые сабо тёмно-вишнёвого цвета на пятисантиметровой рифлёной платформе с крупными выпуклыми грибовидными шляпками обойных гвоздей по ранту, лохматую курчавую голову «а-ля Анджела Дэвис» над изрядно худым телом и болтающуюся на короткой цепочке между ключицами полнообъёмную массивную фигуру бредущего медведя из кавказского серебра, то получите мой портрет в студенческой молодости.

И вот иду я с пустыми бутылками в ближайший к дому винный отдел в гастрономе № 50, который находился в то время на углу, на перекрестке Уланского, Садового и улицы Маши Порываевой, прежде Домниковки, которой теперь уже нет. В смысле, ни Домниковки, ни Маши Порываевой. Всё снесли, теперь там проспект Сахарова. Настроение отличное, летнее, лёгкое, доброжелательное в предвкушении маленького праздника – иду-то я в винный! Захожу в отдел через отдельный вход (тогда вышло постановление, чтобы все винные прилавки в магазинах были выселены в отдельное помещение из общего торгового зала) и привычно становлюсь в очередь. Кстати, очень небольшую по тем временам, всего человек шесть.

Топчусь в очереди, продвигаюсь к прилавку, продавщица звенит пустыми бутылками, забирая их у покупателей, отпускает напитки, берёт деньги, отсчитывает монетки сдачи, небрежно бросает их в специально поставленную для этого пластмассовую тарелочку, словом, всё идёт как обычно, спокойно и неторопливо. И вот подходит, наконец, моя очередь, я стою напротив продавщицы, выставил на прилавок свою пустую тару и открываю рот, чтобы сказать ей, какие бутылочки мне выдать, и тут в магазин влетает женщина лет тридцати пяти и кидается прямо к прилавку, проигнорировав очередь и оттерев меня плечом. Запыхавшись, она говорит отрывисто продавщице: «Привет, Валька, дай мне пару бутылок белой по три шестьдесят две!» Продавщица Валька теряет ко мне интерес, меняет дежурное сурово-пренебрежительное выражение лица на нормально-человеческое – доброе и приветливое, и, перебросившись со своей приятельницей парой слов по поводу возникшего у неё срочного праздника, выдаёт ей две бутылки «Русской» водки. Приятельница засовывает покупку в свою сумку и устремляется к выходу.

Я, слегка возмущённый такой бесцеремонностью, снова открываю рот, чтобы сообщить продавщице Вале наконец, что из напитков буду уже брать, а заодно и высказать беззлобный упрёк в обслуживании знакомых без очереди, как вдруг за моей спиной со стороны входа раздаётся страшный грохот, звон разбитого стекла, и пол под ногами сотрясается от мощного удара или взрыва. Вся очередь поворачивается к дверям, а Валя выскакивает из-за прилавка и кидается ко входу, откуда через секунду слышится страшный крик ужаса, переходящий в истошный вой. Люди, только что составлявшие очередь, устремляются вслед за продавщицей от прилавка к дверям, и из-за их спин уже ничего нельзя увидеть.

Я быстро прохожу через дверь, ведущую из алкогольного отдела в общий торговый зал, пробегаю его насквозь, выскакиваю на улицу через другой вход в гастроном, чуть выше по переулку, и подбегаю ко входу в винный отдел с улицы. Картина, представшая моим глазам, была жуткой. Поперёк тротуара раскорячилась жёлтая машина-такси «Волга-24». Её передняя часть влетела на пару ступенек, поднимавшихся ко входу в винный отдел, и застряла в разби-

тых в щепки и осколки дверях, как будто она собиралась со всего ходу въехать в магазин. Из пассажирских дверей правого борта медленно вываливаются на мостовую два мужика-пассажира, держащиеся за окровавленные головы. Водитель такси стоит на четвереньках, заглядывая под моторный отсек, где темнеет неподвижное тело, распростёртое под днищем машины так, что голова оказалась между поддоном картера «Волги» и ступенями крыльца. Рядом валяется сумка приятельницы продавщицы, из которой растекается прозрачная лужа, распространяя крепкий запах спирта.

Водитель в ужасе обхватывает свою голову руками, садится на тротуар и с мычанием начинает раскачиваться из стороны в сторону. У «Волги», к тому же, разбит весь правый борт, а у ободранной стены магазина, выкрашенной красным суриком, сидит на тротуаре старушка в платке, с совершенно белым лицом и круглыми от шока глазами. Рядом с ней возвышается расколотая массивная цементная урна для мусора. Очевидно, машина каким-то образом ударилась ещё правым боком об стену магазина, снеся проходившую старушку и разбив урну, которая, судя по всему, и спасла бабушку от полного сплющивания.

Кто-то из набежавшей толпы кричал старушке: «Что ты сидишь, вставай!» Старушка, оторопело пуча глаза, начала приподниматься, держась за стену. В этот момент стало видно, что одна из её ног в коричневом хлопчатобумажном чулке торчит вбок под углом девяносто градусов, напрочь перебитая чуть ниже колена. Я отвернулся от этого жуткого зрелища и поспешил прочь. Вероятно, такси вылетело с улицы Маши Порываевой и быстро пересекало Садовое кольцо на зелёный свет. Наверное, что-то или кто-то, перебежавший Уланский переулок, заставил водителя резко отвернуть влево, и машина влетела в двери гастронома, убив наповал выходившую в этот момент из этих дверей подругу продавщицы. Как машина ухитрилась удариться ещё правым бортом о стену здания и снести старушку, ума не приложу. Я шёл домой с пустой сумкой и горячо благодарил своих ангелов-хранителей за очередное чудесное спасение. Ведь если бы приятельница Вали не влезла вперёд меня без очереди, то я, купив свою бутылочку, как раз выходил бы из этих дверей вместо неё.

А немного позже мне пришла в голову мысль, что ведь я мог стать невольным спасителем этой несчастной женщины. Если бы я не пребывал в таком благодушном настроении и не пропустил бы её спокойно вперед без очереди, а повёл бы себя так, как обычно и ведут в таких случаях усталые и раздражённые стоянием в очереди покупатели, то есть учинил бы небольшой скандал с требованием встать в общую очередь, то даже если бы эта женщина и не встала в конец очереди, и всё равно продавщица отпустила бы ей бутылки «по благу» раньше меня, то эта пара минут магазинной свары задержала бы её ненадолго у прилавка, и страшный роковой удар такси в двери магазина произошел бы ещё до того, как она бы стала из них выходить.

Думаю, она бы, конечно, не связала эту неприятную свару со своим чудесным спасением, как и большинство из нас, которые не хотят видеть причинно-следственные связи в нашей жизни и не замечают работу ангелов-хранителей. И, встроив свои несколько слов в общий гневный хор очевидцев по поводу безбашенной гонки отдельных таксистов, спокойно пошла бы пить водку со своими неожиданными, но, вероятно, дорогими гостями, в убеждении, что нахальство — второе счастье. Но её хранитель не сподвигнул меня на эту спасительную маленькую свару. Видимо, вышел её срок. Выводы делайте сами.

Ну а возвращаясь на балкон к Славику, стоит отметить, что это был во всех смыслах замечательный балкон, с этим балконом связано много памятных историй. С него открывались живописные виды на старомосковские сретенские переулочки, на тот же Олимпийский комитет, про который тоже можно было бы порассказать много любопытного, а уж сколько удивительных и неожиданных видов мог он предоставить, когда с него заглядываешь тайком в другую сторону, в окно нашей общей с соседями кухни! Особенно поздним вечером из уличной темноты в более или менее освещённое довольно просторное помещение с холодильни-

ками, столами и табуретками. И вот ведь кажется, стол и табуретка не самое удобное место для любовных затей, а поди ж ты! Конечно, вы можете совершенно справедливо возразить: а что делать, если в комнате в это время муж с остальными гостями? Да-а-а, если только начать вспоминать...

А вот из историй с видом на улицу, кстати, припоминаю, что как-то недели за три-четыре до описываемых событий сидим мы днём примерно в том же составе за тем же столом в эркере и вдруг слышим под окнами настойчивые сигналы автомобильного гудка. Ну, мы сидим, а он гудит и гудит. А надо отметить, что в то время машин в Москве было немного, не то что теперь, а наш переулочек вообще был довольно тихим, по нему машины проезжали, как говорится, «раз в час». А тут сигналист и сигналист. Стало интересно. Мы высыпали на балкон и видим такую картину: под балконом пришвартовались беленькие новенькие с иголки «Жигули» третьей модели, и у открытой водительской дверцы стоит сияющий Рома Лунгин, по-хозяйски облокотившись на приоткрытую дверцу. Мы с изумлением кричим сверху: «Рома, что это? Откуда? Твоя тачка?» А Рома расплылся в счастливой улыбке, как масленичный блин, кивает и похлопывает своё счастье по крыше. Мы восторженно: «Да она у тебя просто красавица!»

И в этот момент открывается пассажирская дверь, и из машины неторопливо, достойно и тоже как-то по-хозяйски вылезает... наша бывшая одноклассница Аня Портная с её обычной бессмысленной улыбкой! Мы слегка припухли. Слово «красавица» застряло у нас в горле. Нет, с машиной-то всё было в порядке, но вот её пассажирка... Аня была на удивление худая и бесформенная, как стиральная доска, с тонкими, словно спички, руками и ногами. Сейчас, пожалуй, её могли бы посчитать анорексичкой. Я уже не говорю о вытянутом овечьем лице в обрамлении вечных мелких кудрей какого-то неопределённого пеготого цвета и о круглых серых глазах на выкате, будто она страдала от базедовой болезни, как небезызвестная супруга Ленина Надежда Константиновна. Короче, представьте себе овечку, освобожденную из концлагеря, которая обалдела и ещё не может понять, что произошло, и вы получите почти точный портрет Ани. Между тем, девчонка она была вполне себе добрая и дружелюбная, но уж больно неда-

лёкая. Это было очевидно даже для нас, неопытных школьников, тогда ещё плохо отличавших дураков от людей нормальных. Словом, менее всего мы могли ожидать увидеть её рядом с нашим Ромой.

При её явлении народу на Ромино сияние набежало лёгкое облачко, он сделал неопределённый жест рукой и на наши призывы немедленно подняться к нам прокричал, что сейчас они никак не могут, что машина прямо из магазина и что они едут срочно страховать эту красавицу от угона. Тогда это было более чем актуально. Машины не только угонялись на раз, но с них, в виду полного отсутствия в продаже запчастей и аксессуаров, тащили всё, что можно: неосторожно оставленные щётки дворников, наружные зеркала, колпаки колес, сами колеса, лобовые стёкла. Даже фары, бамперы и глушители.

В общем, ребята загрузились обратно в экипаж и поехали страховать, а мы, проникшись важностью мероприятия и радуясь за Рому, вернулись к столу и стали в недоумении обсуждать, что могла делать в его новом автомобиле в такой радостный день эта нелепая «овечка» Аня, с которой Рома и в школе-то парой слов не перекинулся за всё время совместной учёбы. Этот альянс был тем более невероятен, что наш Рома был высоким ярким брюнетом с густыми чёрными усами, которые он не брил ни разу с самого момента их появления на его верхней губе ещё в восьмом классе, таким видным темноглазым красавцем, на которого заглядывались девочки.

А надо сказать, что Рома так давно мечтал о машине, так хотел, это была просто его идея-фикс. И вот – свершилось! Мечта сбылась. Поехал на «Варшавку», взял вожделенную машину, едет её страховать! Но при чем тут Аня? А ларчик, как выяснилось потом, открывался довольно просто. История выглядела примерно так. Пару лет назад папа Ромы, под настойчивым давлением сына, которому новенькие права жгли карман, записался в очередь на машину. Он, как ветеран войны и инвалид, имел такую льготу – записаться в очередь на машину без очереди. Да-да, тогда, чтобы записаться в магазинную очередь на покупку машины, надо было ещё на своём предприятии, где ты работал, отстоять многолетнюю очередь из желающих и достойных!

Правда, папа, у которого уже был «жигулёнок», предупредил Рому, что записаться-то он записался, но вот средств на покупку машины для Ромы у него нет, и изыскивать деньги на новую машину Рома будет сам. И вот, как обычно тогда, неожиданно, если можно считать это неожиданным после двух лет регулярных ночных бдений в толпе у конторы в районе Болотной площади для подтверждения своей записи в очередь, Роме приходит открытка с вызовом в автомагазин для покупки автомобиля «Жигули» третьей модели! Что делать? Срочно нужны шесть тысяч рублей! По тем временам деньги огромные! Напомню, средняя месячная зарплата инженера, на которого Рома учился в Автодорожном институте, где все студенты обучались вождению автомобиля и уже на третьем курсе получали права, составляла сто двадцать рублей! Но откуда студенту взять такие деньги? О чем Рома думал, когда гнал отца на запись? Надеялся на чудо? На случай? Надо полагать, да.

И этот случай благосклонная судьба ему таки подкинула! Но в каком виде! Оказалось, в виде Аня. Точнее, в виде женитьбы на ней. Похоже, дело обстояло так: Анятин весьма обеспеченный папа выделил Роме необходимую сумму для покупки «Жигулей», может, в долг, может, так, но с условием... Хотя, возможно, и наоборот – сначала сватовство, потом разговор о деньгах. Ну, или одновременно, точно не известно. Как Роме пришла в голову идея таким отчаянным образом добыть средства на машину, это осталось загадкой. Можно предположить, что он кинулся к брату, врачу-венерологу, к дядьке-ювелиру, но, видно, денег они ему дать не смогли, а вот дельный совет, похоже, дали. Скорее всего, они, в силу своих занятий, связей и круга общения, знали и про успешный «бизнес» заведующего крупным московским меховым ателье по фамилии Портной. Ещё, также предположительно, и Ромины родители ему в уши

ненавязчиво напели о выгодном соединении семей, а также о возможностях и перспективах, которые ему в связи с этим откроются.

Впрочем, всё это только предположения. Сам же Рома на вопрос, как ему это пришло в голову, как мог он, такой видный красавец, жениться на такой, мягко говоря, глупой дурнушке, кроме всего прочего невнятного, отвечал, что, мол, все вокруг женятся, имея в виду меня и ещё пару своих приятелей, в том числе Мишку Трипунова, ну вот и он подумал, а может, пора, да и чем чёрт не шутит...

К чести Ромы надо сказать, что он быстро пришёл в себя и сделал попытку сбежать от новоявленной жены уже в первый же вечер после свадьбы, а точнее говоря, прямо в разгар свадебного застолья, задолго до его завершения, пристроившись к нашей весёлой молодежной компании его друзей и одноклассников, приглашённых на свадьбу. К тому моменту мы уже съели всего заливного осетра и изрядно устали от бесконечных однообразных, нудных и пустых продолжительных многословных тостов в микрофон на двух языках и плясок под хава-нагилу в огромном ресторане в здании аэровокзала на Ленинградском проспекте, где поместилось больше сотни человек гостей.

Правда, Ромина попытка улизнуть не увенчалась успехом, жена была начеку и поймала его за рукав на выходе из ресторана. Ничего не поделаешь, к нашему общему огорчению и особенно Ромы, пришлось взять с собой и её, всё-таки она была в своем праве. Похоже, она и сама была не против сбежать. Впрочем, настроение у нас было отличное, к тому же мы прихватили с собой со столов изрядное количество выпивки и были в предвкушении веселой ночи с танцами под правильную музыку в суженном кругу друзей. Анятин папа кричал нам вдогонку: «Куда вы? Ресторан и оркестр проплачены до утра!», но мы всей радостной стайкой почти бегом вырвались из этой компании разодетых и украшенных бриллиантами дорогих гостей и поехали догуливать к Мишке Трипунову на Чистые пруды, благо родительский состав их с Ольгой семьи убыл на выходные на дачу, и квартира была в нашем полном распоряжении.

Там мы пропивали Рому до самого утра, когда изнемогающей Аняте, применив всю свою настойчивость, удалось-таки оторвать Рому от нашей тёплой компании и увезти его домой, рассчитывая если не на таинство брачной ночи, которая к тому моменту уже закончилась, то хотя бы на радости брачного утра. Однако, как нам потом доверительно поведал Рома, её слад-

ким надеждам не суждено было сбыться, ибо, прибыв домой, он рухнул без чувств, изобразив крайнее опьянение. Да, девочка так и не дождалась от него исполнения супружеского долга, чудес брачной ночи и трепета первого сексуального опыта. Но ещё больше огорчилась Анютина бабушка, которая так собирала, так готовила свою единственную и, натурально, нецелованную внучку к этому знаменательному событию в жизни каждой девушки. Да, подвёл Рома, не оправдал надежд ни бабушки, ни внучки!

И неудивительно, что Рома с Анютой как стремительно соединились, так же стремительно и развелись, буквально по прошествии месяца после бракосочетания и на радость обеим сторонам. Мне довелось в качестве Роминой моральной поддержки поприсутствовать в суде на их бракоразводном процессе. Доложу вам, это был цирк! Надо было видеть, как супруги делили полученные подарки: чашки, вилки, ложки и прочее разное. А подарков там хватало. На свадьбу собралось человек сто, если не больше, даже из-за границы подъехали Анютины родственники, не говорившие по-русски. Дарили и деньги, конечно, тысячи четыре, по-моему, набралось.

Рома наш, не будь дурак, с утра после свадьбы, очнувшись пораньше от своего притворного похмельного сна, пока в доме невесты, пардон – жены, все ещё спали после бурной пиршественной ночи, сбегал в сберкасса и положил все денежки себе на книжку. Анюта, увидев меня в коридоре суда, подскочила и, округлив до предела и так всегда круглые глаза, своим громким тонким голосом, упакованным куда-то в нос, и растягивая гласные в конце слов, ошарашила категорическим требованием: «Скажи своему другу-у, чтобы он вёл себя прилична-а!» До сих пор не понимаю, что она имела в виду?

Во время заседания, после того как Анюта зачитала по бумажке свои исковые требования, судья спросил Рому: «Вот поясните суду, почему вы после свадьбы не ночевали дома, напивались, вели себя по-хамски, а жене на её вопросы: «Где ты был, почему не ночевал дома?», отвечали: «Отстань, дура, не твоё дело», как пишет ваша жена в своем иске?» Наш Рома встал, высокий, черноусый, элегантный, такой красавчик в костюме песочного цвета, который и действительно все ночи после свадьбы старался проводить или в доме своих родителей, или в нашей компании, и только молча развёл руками, обернувшись вполборота на Анюту, которая сидела от него справа сзади, этакой шваброй, повязанной какой-то нелепой белой косыночкой в крупный чёрный горох, с её обычным овечьим выражением лица. Судьи (все трое были тётками в возрасте) только прыснули, нырнув в свои бумажки, и вопросов больше не задавали.

Но эта удивительная история на разводе не заканчивается. После суда Анютин папа приехал к Роме требовать обратно выданные будущему зятю деньги на машину, на что Рома ему спокойно заявил, что деньги, разумеется, вернёт, как только продаст машину. Когда же через пару месяцев машина была продана и Рома привёз деньги бывшему тестю, то тот с возмущением и негодованием стал требовать, чтобы Рома отдал ему и половину навару (а тогда машины продавались с рук дороже, чем в магазине, в силу того, что купить их было просто невозможно, и Рома продал свою новенькую красавицу за две первоначальные магазинные цены), типа, ты на моих деньгах гешефт сделал, да ещё и дочь опозорил! А Рома ему вполне твёрдо и резонно ответил, что деньги брал в долг, а не на финансовую афёру, и излишек не отдаст, так как собирается покупать себе другую машину, а по дочери претензии вообще не принимаются, мол, я её какой взял, такой и возвращаю, ни разу не поюзанной! Тут с бедным Анютиным папой реально случился сердечный приступ!

Да, на что только не пойдёт человек ради своей мечты! Я тут ещё упомянул костюм, в котором Рома был в суде, в этом же костюме он был и на свадьбе. Костюм был поистине роскошный, элегантный, и то, как мы его добывали к свадьбе в то непростое для неизбалованного советского потребителя время, это отдельная история, достойная пера юмориста. Да, тогда

пойти и купить приличный костюмчик, да ещё и срочно, не имея нужных знакомств, было, прямо скажем, нереально. Ну, в общем, Рома собрался в экспедицию за костюмом и вытащил меня составить ему компанию и поддержать морально в этом безнадёжном деле. И поехали мы колесить по костюмным магазинам, начиная с фирменного магазина фабрики «Большевичка» в Орликовом переулке недалеко от Роминоного дома и кончая всякими ЦУМами-ГУМами. Ну, конечно, безрезультатно – то нет нужного размера и роста, то смотреть страшно, а чаще всего и то и другое.

Уже не помню каким образом, но от безнадёги занесло нас в магазин на проспекте Мира у съезда с Рижской эстакады. Почему туда попёрлись, ей богу, не соображу, тем более что там в ту пору был магазин больших размеров под креативно-деликатным названием «Богатырь», очевидно, чтобы не ранить больное самолюбие несчастных людей, обладавших избыточными габаритами. А наш Рома хоть и был парень высокий, заслуживший даже в своё время дружескую кликуху «пень длиннейший», как его завистливо поддразнивали отставшие в акселерации одноклассники, но уж на большие размеры явно не тянул.

Короче, заходим мы, изрядно уставшие физически и морально, в этот магазин, побродили грустно вдоль рядов вешалок – ну ничего, конечно, приличного, просто не на чем и глаз остановить. При этом все костюмы ещё и слоновьего вида. А магазин, надо сказать, пустой, в смысле безлюдный – ни одного покупателя, ни толстого, ни худого, одни мы с Ромкой понуро трёмся. И вдруг к нам подруливает продавец, такой плотный лысоватый мужичок годков под сорок пять, и спрашивает – что, мол, грустите, ребятки? На самом-то костюмчик что надо, и сидит, как положено, а мы тут, несчастные советские покупатели, с печалью в глазах бродим бесцельно и безнадежно среди чудовищных продуктов нашего Минлегпрома. И видимо, он в этой отчаянной грусти в наших глазах увидел всю скорбь еврейского народа, да и внешность наша с Ромой не оставила у него сомнений в нашей национальной принадлежности, и поэтому он, ничтоже сумняшеся, заговорил с нами на идише.

Мы с Ромой вылупились на него как два барана. Он, видя, что мы ни бельмеса не понимаем, перешел на русский: «Что, ребятки, не понимаете? А дома-то родители, поди, говорят?» Мы с Ромкой охотно закивали головами, глупо и заискивающе улыбаясь, хотя ни у него, ни, тем более, у меня никто из родственников этим языком не владел. Да и с чего бы? Рома был евреем только наполовину, да и то чисто номинально, а мою кучерявую средиземноморскую внешность обуславливал тот факт, что одна из моих бабушек была гречанкой. Отсюда и это моё диковинное отчество, кстати.

Быстро выяснив, по какой причине нас занесло в магазин костюмов, наш чудо-продавец проникся серьезностью предстоящего торжества и сказал, лукаво сощурившись: «Понятно. Не волнуйтесь, мальчики, сейчас что-нибудь сообразим. Неужели же мы своих детей не оденем? Тем более к свадьбе! А когда свадьба, кстати? В эту субботу? Значит, можно что-нибудь летнее и светлое». Испросив, есть ли у нас предпочтения по цвету, и поняв по нашему мало осмысленному блеянию, что нам, в сущности, всё равно, был бы костюм, он, на глаз определив Ромкин размер и рост, обратил свой взор на меня и, пристально глядя, спросил: «Нужен один костюм для жениха или для свидетеля тоже?» Я решительно замотал головой: «Нет, нет, спасибо, только один! У меня есть!» Покупка нового костюма совершенно не входила в мои финансовые планы, да и к тому же у меня действительно был отличный неубиваемый двубортный кримпленовый костюм изумительного голубого цвета, оставшийся с моей собственной прошлогодней свадьбы.

Вы знаете, что такое кримплен? Это потрясающий чисто синтетический материал, обладающий уникальными свойствами! Он действительно неубиваем, он, как тефлон, отталкивает жидкости, его можно было обливаться чем угодно, от красного вина до масла из-под шпрот, и на нём не оставалось ни малейшего пятнышка, достаточно было просто смахнуть пролитое

влажной тряпочкой. Он не требовал утюжки, он совершенно не мялся, мне довелось в нём пару раз проспать целую ночь на сдвинутых креслах, и наутро он был идеален, будто только что из-под утюга. Кримплен стал даже героем анекдотов! Вот один из них: идёт мужчина по улице, вдруг видит, стоит длинная очередь. Он пристраивается в хвост очереди и спрашивает: «Что дают?» Ему отвечают: «Экзюпери!» Он: «А это лучше, чем кримплен?» Стоящий перед ним в очереди оборачивается и бросает хмуро: «Не знаю, ещё не пил!»

Правда, как выяснилось много позднее, ничего неубиваемого не существует. Как-то однажды, пару лет спустя описываемых здесь событий, мой подросший младший брат собрался на свадьбу к своему школьному другу, где он должен был выполнять функцию свидетеля. И оказалось, что для этой почетной миссии у него из приличествующей случаю одежды есть только белая рубашка, носки и ботинки. И больше ничего. Ботинки, правда, тоже не очень-то соответствовали, но других не было. Я, конечно, великодушно с братского плеча широким жестом снабдил его своим изумительным двубортным голубым костюмом, выдал ему своё модное буклированное светло-серое пальто с поясом, широкий синий галстук и даже массивные часы с металлическим браслетом, чтобы придать ему более-менее приличествующий событию облик. Через пару дней братец всё мне честно вернул обратно: и костюм, и пальто, и галстук, и часы.

С пальто, как ни удивительно, было всё в порядке, может быть, он его вообще не надевал, галстук был залит чем-то тёмным и липким, у часов была растянута и помята пара звеньев крепкого металлического браслета, а вот костюм... Мой замечательный неубиваемый свадебный костюм годился только на выброс! По спинке пиджака шли три широкие грязно-коричневые полосы, в которых синтетические нити были будто бы обожжены и оплавлены. На мой вопрос, что произошло, братец только виновато мычал что-то нечленораздельное, потупив взор, и разводил руками. То ли не хотел сознаваться, то ли действительно ничего не помнил, что я вполне допускаю, учитывая его нездоровое пристрастие к горячительным напиткам, в коих он меры не знал. У меня же сложилось впечатление, что брата долго и с приличной скоростью волокли на спине по асфальту, по меньшей мере сотню метров. Да.

Ну, так вот, возвращаясь в магазин костюмов «Богатырь», застаем нас с Ромой, глупо улыбающимися всемогущему «товарищу продавцу». Он же, наш замечательный продавец, завершив выяснение наших скромных потребностей, быстро, но с достоинством удалился куда-то в закрома – в подсобку или на склад, надо полагать. Через пять минут он вернулся с лёгким и дорогим с виду костюмом-тройкой чудного светло-песочного цвета, завёл Рому в примерочную, из которой Рома вскорости выплыл со счастливой рожей, элегантный, как рояль светло-песочного цвета, соответственно. Просто красавец! Жених! Такого не стыдно будет предъявить даже зажиточным и заокеанским гостям, которые ожидали к свадьбе. Костюмчик сидел как будто на него сшит, хотя, как оказалось, он был фабрики «Большевичка», с магазина которой мы и начали наши поиски. Но одно дело то, что вывешено в зале для массового покупателя, и совсем другое то, что припрятано в закромах для особого случая. Тогда, в пору тотального дефицита, такая продажа припрятанного товара называлась «из-под прилавка», и предполагала небольшую наценочку или благодарность знакомому продавцу. Ну Рома на радостях сунул этому чудо-продавцу «соплеменнику» «пятёрочку», то есть пять рублей, а тот, отправляя нас в кассу и прощаясь, напутствовал: «Учите язык, ребята!» Но «комиссионные» со «своих детей» взять не постеснялся!

А в назначенный день свадьбы наш Рома, элегантный, подтянутый и важный, вышагивал под общие аплодисменты в этом светло-песочном костюме по просторному залу ресторана, а на его согнутой в локте руке висела новоиспеченная супруга, которая семенила за ним, вся в каких-то пышных белых кружевах, заслуженной фате и флёрдоранже на кучерявой голове,

улыбаясь счастливо и, как обычно, бессмысленно, а восторженные гости радостно бросали им под ноги цветы. Мы, их приглашенные друзья, в том числе и один в голубом двубортном кримпленовом костюме, тоже поучаствовали в этом весёлом действе и тоже покидали гвоздики в новобрачных, причем кидали мы их как дротики – срезом стебля вперёд, норовя попасть в невесту. Наш одноклассник и близкий Ромкин приятель по фамилии Джапаридзе попал. Два раза. Он вообще был очень спортивным. Сейчас, пожалуй, его могли бы назвать «качком». Правда, на этом чисто физическом уровне все его достоинства и заканчивались. Как сказал один наш общий знакомый: «Джапаридзе всегда ассоциировался у меня исключительно с поднятием гири».

После торжественного прохода новобрачных они сами и все приглашённые стали рассаживаться за столы, поставленные широкой гребёнкой, в основании которой был длинный стол для молодожёнов, их родителей и самых почётных гостей из-за океана. Молодёжь разместилась за дальним от входа «зубцом гребёнки», накрытым персон на двадцать с обеих сторон. Я тут же плюхнулся поближе к большому овальному блюду с заливной осетриной, с утонувшими в застывшем желе тонкими кружочками лимона и зелёными листиками петрушки – моему излюбленнейшему кушанью, вожаденно сглатывая слюну в предвкушении гастрономического оргазма, а напротив, по ту сторону стола, водрузила свои грузные тела незнакомая мне пожилая супружеская пара, судя по характерному одесскому акценту, из родственников невесты.

Церемонно поприветствовав нас кивком и вежливыми улыбками, они склонили друг к другу головы, и супруга тихо спросила мужа, думая, очевидно, что за общим шумом и гвалтом ресторана мы не расслышим: «Откуда здесь эти рязанские рожи?», имея в виду не меня, конечно, а тех, кто сидел от меня слева. А там сидели по порядку: натуральная блондинка Макарова, рядом – чуть-чуть темнее ее – пышногровая красотка с голубыми глазами Ольга Пшеничнова, потом Мишка Трипунов в очках на улыбчивом квадратном лице и светло-русых усах и его изящная спокойная жена Ольга Василенко, той же масти, что и усы её мужа.

Я глянул на заулыбавшиеся «рязанские рожи», налил водочки в рюмки своих соседей слева и справа от меня и потянулся горлышком бутылки через стол к рюмкам пожилой пары напротив. Они активно замахали руками – что вы, мы это пить не будем, и супруг схватил бутылку «Боржоми». Я пожал плечами, налил себе и громко сказал: «А знаете, вы совершенно правы – водка просто горячая от такой жары! Невозможно пить!» Затем встал и пошел по широкому проходу между столами через весь зал в сторону молодожёнов, и бесцеремонно впихнул свою бутылку водки в серебряное ведёрко со льдом, стоявшее рядом с ними на столе, которое я заметил раньше, с торчавшим из него тёмно-зелёным горлышком бутылки шампанского для молодых. «Рома, ты не возражаешь?» – спросил я нахально у счастливого новобрачного.

Новобрачный не возражал. Ему было не до того. Похоже, он томился и тосковал, натянуто улыбаясь, и поглядывал по сторонам, опасаясь, очевидно, какого-нибудь пьяного призыва: «Горько!», а его молодая жена теребила его за рукав и что-то тихо зудела в плечо его светлого пиджака, то и дело округляя и так круглые бесцветные водянистые глаза. На лицах папы и мамы Ромы, сидевших рядом, тоже не наблюдалось отблесков солнечного счастья.

Я вернулся на своё место и взялся за осетрину. Пожилая супруга напротив меня, придерживая на короткой заплывшейшее богатое тройное ожерелье из крупных желтоватых жемчужин и расширив глаза, обратилась ко мне сочувственно и доверительно, видимо, в благодарность за вежливый жест с водкой и, возможно, принимая меня за одного из «своих»: «Ви знаете, эта рыба такая солёная, просто невозможно кушать!» Я тоже удивленно выкатил глаза ей в ответ: «Неужели?» и перенёс с блюда себе в тарелку здоровый кусок осетрины, от которого отламывались и падали на белоснежный фаянс прозрачные дрожащие кусочки светло-желтого желе. Я подхватил один такой кусочек вилкой и аккуратно положил его в рот. Покачал

головой, нашёл на столе солонку и хорошенько потряс её над заливным, радуясь втихаря, что претендентов на осетрину стало меньше. Потом завалил всё сверху толстым слоем хрена.

Не найдя нож для рыбы, я отломил вилкой хороший кусок нежной белой осетринки, покрытой трепещущим желе, и решительно отправил его в рот. Тут же замычав от искреннего удовольствия, я закивал головой и взглянул на пожилую даму напротив. Она в испуге смотрела на меня, откинувшись на спинку стула и уже двумя руками держась за ожерелье. Видимо, в её глазах я стремительно падал в пропасть, туда, к «рязанским рожам» с их грубым плебейским вкусом.

Потом пошли бесконечно длинные тосты в микрофон с переводом с идиша на русский и с русского на идиш, в перерывах громко играл оркестр, а я неустанно бегал к ведрышку со льдом и обратно с нашей первой бутылкой водки, потом со второй и так далее. Самый лучший тост произнес наш одноклассник Илюха Фишман. Он на нетвёрдых ногах подошёл к микрофонной стойке с рюмкой в руках, бережно неся её, сосредоточенно стараясь не расплескать по дороге содержимое, долго, терпеливо и спокойно дожидаясь установления полной тишины в зале, подгоняемой шиканьем заинтересованных слушателей, заинтригованных его таким театральным терпением и ожидавших, очевидно, ораторского шедевра, возможно даже в стихах, и, наконец, в мёртвой тишине и напряжённом молчании полностью сфокусированной на нем аудитории, высоко поднял руку с рюмкой и отчётливо провозгласил в микрофон: «За молодых!» и немедленно опрокинул содержимое рюмки в рот. Зал замер в изумлении. Избалованные предыдущими многословными тостами, все притихли, уставившись на Илюху, в предвкушении умного, юморного и витиеватого продолжения, после такой длительной, тщательной и бескомпромиссной подготовки. Кто-то тихо выдохнул: «Всё?» Илюха развёл руками, слегка поклонился и пошёл от микрофона. Тишина сопровождала его на пути к своему месту за столом, а потом народ зашевелился, задышал, разочарованно загудел, а наша студенческая галёрка «рязанских рож» разразилась бурными аплодисментами в восторге от такой потрясающей многозначности и, при этом, такой краткости тоста и стала дружно скандировать: «Горько! Горько!» И, правду сказать, краткость была самым подходящим сопутствующим, просто даже ключевым словом этого брака и этой брачной церемонии.

Но, впрочем, всё это – и свадьба, и история с костюмом – произошло уже после нашего возвращения с Кавказа. А пока что Славик докурил сигарету «Союз-Аполлон» на том самом нашем историческом балконе, вернулся за стол, и мы так, невзначай, под холодное «Жигулёвское» и запечённые на скорую руку в духовке гренки с сыром открываем озабоченному Славику наши планы о предстоящей поездке в Теберду. Вкратце описываем ожидаемые прелести конного похода по Кавказским горам и делимся радостью по поводу чудесного везения в смысле удачного и быстрого приобретения путёвок и даже билетов на поезд. Славик молча хлопает глазами, опрокидывает в себя залпом стакан пива и, набрав в лёгкие побольше воздуха, с криком: «Я на Петроверигский!» – выносится из квартиры в жаркое московское лето, на ходу дожёвывая гренок.

Часа через полтора звонит телефон, на том конце – счастливый Славик: «Представляешь, я тоже взял такую же путёвку на турбазу в Теберду! Ура! Еду с вами! Какой номер поезда и вагона, в котором вы поедете – лечу за билетами!» И просто фантастика – ему удалось купить билет в тот же поезд, в котором ехали и мы, и тоже в купейный вагон.

Вот так вся наша компания и примкнувший к ней Славик собралась в назначенный день на платформе Курского вокзала с сумками, чемоданами и рюкзаками. Поезд подкатился к перрону, мы впихнулись со своим барахлом в вагон и стали устраивать переезд Славика из его вагона к нам поближе. Пока мы ходили и договаривались с соседом Ромки Лунгина по купе об обмене местами, к нам в «семейное» купе влетел взъерошенный тощий, высокий парень в

видавшей виды брезентовой штормовке и с огромным рюкзаком, из которого торчала рукоять альпенштока. Должно быть, какой-нибудь дикий альпинист. Вращая глазами, и заговорщицки понизив голос, он сказал: «Ребята, можно я у вас тут на полке для чемоданов над дверью расположусь? А то у меня билет на этот же поезд на послезавтра, а моя группа послезавтра уже уходит в горы. Мне надо срочно ехать!» Мы, слегка прибалдев от возможности поучаствовать в контрабандном провозе безбилетного пассажира, с оторопью смущенно сообщили ему, что у нас вся полка над дверью занята своим багажом, к сожалению. Он с подозрением внимательно осмотрел наши сумки, сгрудившиеся под столиком и под нижними полками, пожевал губами, что-то пробормотал себе под нос, недовольно, с чувством задвинул дверь купе и двинулся дальше по проходу искать более добросердечных и гуманных пассажиров. А мы с сомнением переглянулись: «И как это он со своими габаритами и здоровенным рюкзаком собирался уместиться в этой небольшой нише над дверью?»

А вообще говоря, в поездах часто происходят весьма интересные и, подчас, необъяснимые вещи. Вот припоминаю, как-то уже в 1995-ом году случилось мне поехать в Киев вместе со своими тётушками в связи с печальным событием – на похороны своего дядьки. Кстати, милейший был человек и очень образованный юрист, работал в правительстве «незалежной». И хоронили его всей их Радой и со всеми положенными почестями. А умер из-за скандалов и вдруг ставших совершенно дикими отношений с женой, с которой прожил душа в душу с ранней молодости. А вот к старости, поди ж ты, что-то вдруг перевернулось, и два любящих близких человека превратились в люто ненавидящих друг друга врагов. И как это так в жизни получается? Вот сердце и не выдержало такого переворота. Такой смены полюсов. А вообще говоря, в поездах часто происходят весьма интересные и, подчас, необъяснимые вещи. Вот припоминаю, как-то уже в 1995-ом году случилось мне поехать в Киев вместе со своими тётушками в связи с печальным событием – на похороны своего дядьки. Кстати, милейший был человек и очень образованный юрист, работал в правительстве «незалежной». И хоронили его всей их Радой и со всеми положенными почестями. А умер из-за скандалов и вдруг ставших совершенно дикими отношений с женой, с которой прожил душа в душу с ранней молодости. А вот к старости, поди ж ты, что-то вдруг перевернулось, и два любящих близких человека превратились в люто ненавидящих друг друга врагов. И как это так в жизни получается? Вот сердце и не выдержало такого переворота. Такой смены полюсов. Да.

Дело было в конце апреля, в Москве стояла необычайно тёплая погода, а в Киеве и подавно. Я поехал в одном только костюме, приличествующем грустному событию, а из багажа со мной был плоский кожаный портфель-кейс, так называемый «дипломат», в котором помещались все мои нехитрые пожитки, необходимые для трёх дней пребывания в Киеве и пары ночей в поезде. И вот, уже после похорон и поминок на всех официальных и домашнем уровнях, попрощавшись с провожавшей нас на вокзале киевской роднёй, мы с тётушками заходим в своё купе поезда, готового тронуться в сторону Москвы, рассаживаемся на диванчиках и, глядя на перрон за окном, начинаем умиротворенно ожидать, когда этот перрон потихоньку и незаметно поползет мимо окон.

Вдруг в наше купе влетает встрепанная нервная гражданка, сходу подсаживается ко мне и взволнованным, но тихим заговорщицким голосом обращается с просьбой: «Пожалуйста, не могли бы вы бросить моё письмо в почтовый ящик в Москве сразу, как приедете. Мне надо, чтобы адресат получил его как можно скорее, а из Киева письма идут очень долго!» И протягивает мне конверт. Я, находясь в благодушном настроении, говорю: «Да, конечно, пожалуйста, в чём вопрос, мне не трудно», беру конверт и, даже не взглянув на адрес получателя, засовываю его в правый внутренний карман пиджака. Женщина горячо благодарит, заглядывая мне в глаза, и выбегает из купе.

Мои тётки с интересом смотрят на происходящее: «Интересно, почему она обратилась именно к тебе, а не к проводнику или к кому-нибудь из купе поближе ко входу? Не поленилась дойти до середины вагона. Или, может быть, ей уже несколько человек отказали?» «Не знаю, но почему кто-то стал бы ей отказывать в такой простой просьбе?» — удивляюсь я. «Ну, всё-таки едем через границу, теперь Украина — другое государство. Конечно, граница — это так, одно название, но формальности соблюдаются: проверяют же паспорта и багаж зачем-то!» «Да ну, фигня всё!» — я отмахнулся и стал открывать пивные бутылки, а тётушки принялись разделять жареную курицу и выкладывать свежие огурчики-помидорчики. И почему в поезде всегда хочется есть? Причем аппетит приходит сразу же, как только сядешь на свое место в купе!

В какой-то момент нашего дорожного ужина мне стало жарко, я снял пиджак и повесил его на плечики, заботливо размещённые на крючке у двери в купе. Уже совсем поздно, почти ночью, поезд остановился для проверки документов пассажиров на границе между Украиной и Россией. Мы ещё не ложились. Сначала по коридору притихшего вагона гулко протопали украинские пограничники и проверили у всех паспорта, за ними прошли украинские же таможенники и попросили поднять сиденья нижних полок, чтобы убедиться, что мы не провозим под ними что-нибудь запрещённое (интересно, что — тюки с наркотиками или ящики с золотом, бриллиантами или оружием?), и что там не прячутся беспаспортные нарушители границы.

И вот что интересно — когда мы ехали из Москвы в Киев, весь вагон под завязку был забит коробками с пакетиками для приготовления напитка «Юпи» (помните — «просто добавь воды!»?), в том числе и наше купе — все свободные места под полками, столом и в багажной нише над дверью. Причем забито было так, что мы едва нашли место, чтобы поставить небольшие дорожные сумки тётушек и мой кейс. Всё это загрузили проводники по договоренности с какими-то дельцами-купцами, которые тащили популярный напиток-порошок на продажу в «незалежную». И ничего, тогда таможенники только спросили нас, как и в других купе, наше ли это всё, мы, конечно, отвергли такое неприличное предположение, и они спокойно пошли дальше, а коробки также спокойно приехали в Киев.

Так вот, стоим мы на границе, и теперь уже пошли наши пограничники и таможенники. Опять показываем паспорта, поднимаем полки и отвечаем, что ничего незаконного не везем. Естественно, никто даже и не просит открыть наши сумки. И вот, когда казалось, что все проверки уже прошли, и мы уселись допивать пиво и дожидаться, когда уже весь поезд проверят и отпустят следовать дальше по назначению, вдруг заявляется ещё парочка проверяющих, один в форме украинского пограничника, другой в штатском, и снова просят поднять нижние полки. Я говорю: «Ребята, нас уже два раза досматривали и ваши, и наши! Что-то пропустили? Или вы ищете что-то конкретное?» Человек в форме начинает объяснять, что они, типа, какая-то специальная служба со специальными задачами, я не вникаю, просто поворачиваюсь к ним спиной, нагибаюсь и поднимаю сначала одну полку, потом сгоняю тётушек и поднимаю вторую. Проверяющие бросают беглый взгляд на разъявленные багажные ящики под полками прямо из проема дверей, даже не заходя в купе, благодарят, извиняются за беспокойство и уходят дальше по вагону. И я даже не знаю, заходили ли они в другие купе или нет, меня тогда это совершенно не волновало.

Уже собираясь ложиться спать, я стал пристраивать рубашку поверх пиджака, висевшего всё это время на плечиках у входа, и на автомате проверяю содержимое внутренних карманов пиджака: паспорт на месте, портмоне на месте, а вот письма, которое меня просили бросить в ящик в Москве, — нет! Я обалдело начинаю соображать, куда оно могло деться и когда могло исчезнуть. Я его точно не перекладывал из кармана, значит, его вытащили во время проверок, и, вероятнее всего, во время этой последней странной дополнительной проверки, пока я отворачивался и занимался поднятием полок. Но кто это был и зачем им понадобилось тырить у меня это письмо, при том, что там же в карманах был паспорт и портмоне с деньгами? Значит,

это были не обычные воришки, а люди, которые точно знали, что они ищут в моих карманах, причём даже точно знали, что искомое находится в кармане пиджака, и даже каком.

Ощущение было не из приятных – похоже, что из меня сделали дурака или просто «почтовый ящик». Но, думаю, в любом случае, это были какие-то шпионские дела – то ли органы следили плотно за этой женщиной, то ли она должна была передать кому-то какие-то сведения. Правда, какие могли быть шпионские дела между нашими тогда ещё братскими территориями, буквально вчера ещё бывшими одним государством? Прошло-то всего три года, как они официально разошлись, и никто эти игры в границы и таможи всерьёз не принимал, все только смеялись, когда появлялись пограничники, да и сами новоиспеченные пограничники смущались и посмеивались над своими дурацкими никому не нужными формальными обязанностями! А тут такие шпионские страсти! Может, даже шифровка? Впрочем, возможно, это были международные шпионские игры? И передаточным звеном в этом шпионском детективе почему-то стал я. Вид у меня, надо думать, был для них подходящий – натуральный «лох-пиджак»! Но что это было на самом деле, я так до сих пор и не знаю. И вот интересно, что бы они делали, если бы я не стал снимать пиджак и вешать его так удобно для них у дверей, или положил бы письмо в кейс? То ли это был точный психологический расчёт, то ли большая удача. Да.

Когда все хлопоты нашей шумной компании, следующей в Теберду, по посадке в поезд и устройству были завершены, мы всем дружным составом забились в «семейное» купе, и после небольшой бездельной паузы, когда поезд едва только выехал за пределы города, открыли туалеты и за окном пошли уютные вечерние зелёные подмосковные пейзажи, все стали беспокойно ерзать и поглядывать на сумки с провизией. Кто-то из девочек, по-моему, Ольга, наконец не выдержала, вздохнула и произнесла: «А что, может, слегка перекусим?» Тут все оживленно стали вытаскивать из сумок бутылки с вином, варёные яйца, жареных кур, колбаску, свежие огурчики. Купе наполнилось дразнящими ароматами, а Рома из своих запасов принес копчёную рыбку и домашние пирожки, которыми его заботливо снабдила в дорогу мама.

И только мы разлили по первой и подняли гранёные поездные стаканы в подстаканниках, как тут дверь купе неожиданно отъехала в сторону, и в щель правой половиной своей длинной фигуры протиснулся наш давешний знакомый альпинист-безбилетник с довольным выражением на худом лошадином лице. Радостно сообщив, что ему таки удалось удачно устроиться, договорившись, в конце концов, с проводницей, которая застигла его, когда он лез на чемоданную полку в другом купе, где ему спьяну или не разобравшись не сумели отказать, весело предложил пригласить его разделить с нами совместную трапезу, и продемонстрировав свой целюфановый кулёк с бутербродами, заявил, что в одиночестве едят только устрицы. Мы, застыв со стаканами в руках, опять слегка притихли от такой непосредственности и разумно указали ему, что нас и так уже здесь шесть человек в купе и места для него не осталось. Ольга, угадав и предупредив его следующее логическое предложение слегка подвинуться по принципу «в тесноте, да не в обиде», объявила уже прямо, что, кроме всего прочего, нам бы, мол, хотелось скоротать вечерок сугубо в своей компании, так сказать, в узком кругу, то есть без посторонних, даже при наличии у них своего набора бутербродов. Улыбка погасла, парень обвёл нас взглядом, полным немного укора, опять пожевал губами недовольно и снова с чувством задвинул дверь купе, оставив себя снаружи, а нас, наконец, в покое.

Глава 2 «Москва – Теберда. Железная дорога»

(с четырьмя лирическими отступлениями)

Ещё один сытый-пьяный полудремотный день с мелькающими за окном приземистыми домиками, сараями и складами, пыльными деревьями и придорожными столбами с провисшими электропроводами, ещё одна душная ночь в мерно стучащем по рельсам вагоне с подзвывающими в такт колёсам ложечками в пустых звонких гранённых стаканах, вставленных в фирменные железнодорожные алюминиевые подстаканники; с размеренным ритмичным, как стробоскоп, засвечиванием разорённого столика светом проскакивающих за окном придорожных фонарей, с шипением тормозов на остановках у станций, из репродукторов которых неразборчиво, но раздражающе и некстати для полуспящего пассажира громко звучат гундосые голоса диспетчеров. Торговое оживление на облитых жёлтым светом фонарей перронах, где выскакивающим покурить проезжающим предлагаются домашние пирожки, отварная картошечка, солёные огурчики, помидоры, яблочки и напитки непонятного происхождения в зелёных «огнетушителях» из под игристого вина и в пивных поллитровках, которые, после обмена намёками пониженными голосами и заговорщицеским переглядыванием продавца и прыгнувшего с подножки покупателя в майке, втихаря извлекаются из тёмных недр дощатых магазинных тарных ящиков, аккуратно покрытых чистой тряпочкой, выполняющих роль импровизированных прилавков. И снова гундосые объявления и плавное, незаметное отчаливание поезда от неярко освещённого островка станции, определяемое только еле заметным проплыванием в окне подсвеченного здания вокзала и фигур бабушек в платочках с их торговыми ящиками и непроданными курами и кукурузой. Поезд снова укачивает в длинном зелёном брюхе своих мальков, погружающихся в зыбкий сон, кроме тех, кто нервно топтался в тамбуре, дожидаясь открытия туалета после стоянки, и тех, кто не может отложить до утра процесс поглощения приобретённых на станции продуктов питания и сопутствующих им напитков.

И вот наступает утро в быстро летящем вагоне, и пассажиров выдирает из сна звук энергично и бестактно сдвигаемой двери купе и громкий режущий голос проводницы: «Подъезжаем к Невинномысску, сдавайте бельё!» Голые ноги спускаются с верхних полок, и с некогда белым казённым вафельным полотенцем на плече, поверх жёванной футболки и с зажатой в кулаке зубной щёткой мы, покачиваясь спросонья в такт колебаниям вагона, встаём в очередь в тамбурочке у туалетной двери с поворотной щеколдой с прорезью, в которой читается чёртова надпись «занято».

Быстрый утренний чай с кубиками дорожного сахара, который отказывается растворяться в стакане, как энергично ни болтай и ни крути ложкой, подвявшие бутерброды со скрюченным и прослезившимся ломтиком сыра, огрызок огурца и прочие остатки почти не прекращавшегося суточного пиршества, быстро исчезают в шести синхронно жующих ртах. Надо торопиться – стоянка поезда пять минут! А вдруг увезут дальше в сторону Пятигорска, как потом возвращаться в нужную точку назначения? А надо сказать, что подобная неприятная история уже произошла со мной раньше, и, конечно, по дороге в непременно Гудауту и, конечно, в компании с непременно Сашкой Вигдоровым. Да уж, пришлось поволноваться.

А дело было так: в 1974 году мы с Вигдоровым после окончания учебы, я — первого курса института, а Сашка, соответственно, второго, задумались, как нам, по нашему внутреннему ощущению, двум вполне сформировавшимся личностям неполных восемнадцати и девятнадцати лет, провести, наконец, первый в жизни самостоятельный взрослый отпуск. Мы подошли к решению вопроса с юношеским энтузиазмом, но и со всей ответственностью, ведь это был

наш дебют – до этого мы проводили лето либо на даче в Подмоскowie, либо с родителями, если уезжать предполагалось дальше этих пределов и не в пионерский лагерь.

Мы тут же решили, что хотелось бы махнуть куда-нибудь в тёплые края, а точнее — на море. Стали осматриваться — какие есть варианты? Вариантов оказалось не так уж много, а точнее — два: бабушка Сашки предлагала нам отправиться на Азовское море в Бердянск, где жили её не то родственники, не то подруги, что для нас было, по сути, одно и то же, а второй вариант неожиданно нарисовался вместе с уже упомянутым мной бывшим одноклассником Алёшкой Джапаридзе, который предложил нам поехать в Абхазию, в город Гудауту к проживавшему там его знакомому армянину Женьке, с коим он может связаться по телефону и организовать нам встречу, приём и поселение у него в доме. Мы предпочли Чёрное море, Абхазию и Гудауту, естественно. А что бы вы выбрали на нашем месте? Бабушкиных подруг в Бердянске? Итак, с этого всё и началось. Я имею в виду наши многолетние тёплые, даже горячие отношения с Гудаутой и наши первые транспортные злключения, которых потом в жизни приключилось немало. Ну, это, я думаю, как и у всех. Тут каждому наверняка есть что вспомнить.

После выбора места отдыха встал следующий важный вопрос – как будем добираться? Самолёт отпал сразу. Во-первых, проблема с билетами, а во-вторых, как подсказывали карты, ближайший к Гудауте аэропорт находился в Сухуми, а от Сухуми ещё надо было ехать до Гудауты на автобусе. Нам, как начинающим путешественникам, это показалось довольно сложным, в силу своей неизвестности и непредсказуемости. До Гудауты из Москвы шёл поезд, это было проще, понятней и удобней – тут сел, там вышел через пару суток, но и на поезд была та же проблема с билетами. На Кавказ, летом, в разгар отпусков!

Но проблема с железнодорожными билетами решалась проще, как оказалось. Подключилась бабушка Вигдорова. Вы не знали бабушку Вигдорова, царство ей небесное? О, это была очень энергичная, громкая, решительная и целеустремленная женщина. И со связями, с хорошими связями, надо сказать. Но, оказалось, что даже она не всемогуща. Нет, она, конечно, достала нам пару билетов на поезд Москва — Батуми, но, учитывая, что билеты были нужны срочно, ей удалось добыть только места в плацкартном вагоне. Правда, в качестве компенсации за предстоящие неудобства она снабдила нас сверхдефицитной палкой сырокопчёной колбасы, которая очень поддержала нас уже на месте, в Гудауте.

Начались сборы в поездку. Сборы были недолгие и несложные, главное было отбиться от настойчивых попыток мам впихнуть нам в чемоданы тёплые вещи – свитера и куртки «на всякий случай», а вдруг похолодает! Увещевания, что мы едем в субтропики, не очень помогали. Из провизии запаслись обычным набором пассажира: крутые яйца, огурцы, большой батон хлеба за двадцать восемь копеек, два экземпляра жареной курицы и что-то ещё по мелочи. Втихаря от родителей, была припасена пара бутылок сухого белого вина. Мы уже сгорали от нетерпения и предвкушения весёлых деньков и, признаться, нам, молодым балбесам, как ехать, было не очень важно, главное ехать, тем более что мы до этого никогда в плацкарте и не ездили, поэтому представления о поезде у нас были связаны со смутными детскими воспоминаниями об относительном купейном комфорте. И в этой поездке мы открыли для себя много нового. К тому же, поезд был не скорый, останавливался, как говорят «у каждого столба» (грустную сущность этого выражения нам предстояло познать на своей шкуре), и ехать нам предстояло две ночи, целый день и ещё два по пол дня. Да-а...

Но вот настал день отъезда, Курский вокзал, мы грузимся в плацкартный вагон со своими пожитками, доволакиваем наши чемоданы до последнего отсека рядом с туалетом. У нас с Сашкой две верхние полки. Тревожный ажиотаж внутри спадает, мы, довольные, машем из окошка провожающим нас родителям, и их напряженные лица вместе с серым перроном медленно уплывают от окна вдаль к концу состава. Уф! Поехали! Нас ждет путешествие, нас ждут приключения, море, солнце, жара, холодное вино, пляж, загорелые девочки и вообще – свобода! А

с предвкушением свободы приходит солнечное предчувствие огромного счастья, такого огромного и всеобъемлющего, в какое можно верить только в восемнадцать лет!

Мы, сияющие, чинно сидим внизу у столика и то лупимся в окно на плывущие пейзажи, то на торчащие в проход ноги пассажиров, уже взгромоздившихся на верхние полки – предлести плацкарта, и ждём, когда проводница предложит чайку. А проводница, хмурая невысокая коренастая женщина лет тридцати в форменной тужурке, мелькнула мимо нас с ключом от туалета и затаилась у себя в каморке. Ещё подождав и сообразив, что чаю нам никто не предложит, пошли добывать напиток сами. А главное, нам нужна была пара стаканов, чтобы начать вольную взрослую жизнь, взбрызнув наше освобождение и начало путешествия глоточком вина под спроворенную родителями курочку! Стаканы нам выдали без лишних вопросов, и «взбрызгивание» состоялось. И курочка прошла на «ура».

Но вот подошло время располагаться на ночь. И тут мы, избалованные купейным комфортом, при котором пассажир, садящийся в поезд, сразу застаёт заботливо застеленные постели, к своему удивлению обнаружили, что в скатанных, как блинчики, на наших плацкартных полках матрасах начинка в виде подушки есть, а вот белья никакого не предусмотрено – ни простынки, ни пододеяльника, ни наволочки! Голый несвежий полосатый матрас и замызганная, заспанная до состояния комков подушка. Мы отправились к проводнице спрашивать бельё, которое нам, очевидно, как мы наивно думали, просто забыли положить в скатку. Протиснулись по узкому коридору в противоположный конец вагона между полками, разложенными вдоль левой стены, где народ уже улёгся на свои места под свисающие в проход простынки, и торчащими справа с полок поперечных отсеков ровно на уровне наших физиономий жёлтых, захоженных крепких рабочих пяток и перекрученных коричневых носков сомнительного вида, до каюты проводника.

Там, за дверью с латунной табличкой «Проводник», мы обнаруживаем нашу проводницу в компании двух красномордых мужичков в майках-алкоголичках. Все трое коротали вечерок за распитием портвейна и закусыванием его огурцами, хлебом и докторской колбасой, порезанной толстыми колёсами. На наш робкий запрос насчёт постельного белья, слегка встрёпанная проводница воззрилась на нас плохо собиравшимися в фокус глазами и, сдерживая икоту, фыркнула и весело сообщила, что мы опоздали: «Мальчики, ик, а где же вы были раньше, надо было зайти ко мне сразу после отправления, ик, я уже всё белье раздала, у меня больше комплектов нет, ик». Мы попытались возразить, что это довольно странно, что белья меньше, чем матрасов, на что нам совершенно разумно было заявлено, что не все пассажиры в плацкарте готовы расстаться с рублем за белье, поэтому его, белья, всегда берём меньше, чем мест, ик.

Вот так нам пришлось заваливаться на голые матрасы, разумеется, не раздеваясь, прямо в джинсах и рубашках, а на подушки в качестве наволочки набросили майки из чемодана, припасённые для выхода на пляж. Так и спали. Да и что нам, молодым хипповым чувакам-студентам, за проблема спать в джинсах? Не впервой, небось! Конечно, после двух ночей в джинсах ощущение свежести исчезает напрочь, но в духоте плацкартного вагона, да ещё и в непосредственной близости к туалету, оно приобретает вообще довольно абстрактное значение. К тому же припасённые и подкупаемые на остановках, коих было несчётно, правильные дорожные напитки примиряли нас с бытовыми вагонными неудобствами и с однообразной, нудной тяготой самого путешествия.

И вот наступил последний день долгого, тупого, некомфортного, изнуряющего пути, и тут мы приближаемся, наконец, к главному моменту этого лирического отступления, а именно к моменту приезда в Гудауту. Поезд мчал нас по живописным зелёным склонам Кавказских гор, нырял в бесконечные тоннели, а мы в возбуждении пялились в окно, чтобы успеть увидеть выскакивающую в просвете пейзажа и деревьев сверкающую под солнцем синюю гладь вождь-ленного Чёрного моря. И при каждом его появлении в душе вспыхивал безотчётный детский восторг – море! В вагоне было жарко и душно, мы приближались к пункту назначения – гулко

прогрохотали колёсами по железному мосту через речку Псоу, въехали в посёлок Лиселидзе, и вот мы уже в Абхазии! В краю пляжей, пальм, вина и шашлыка.

Мы вцепились в деловито пропилившую мимо нас проводницу и стали вытрясать из неё информацию: когда будет Гудаута? Она остановилась на минуту, подняла на нас мутный похмельный взгляд, промычала что-то недовольно и нечленораздельно и махнула рукой куда-то вдоль прохода. Поняв, что толку от неё не будет, Сашка пошёл в конец вагона разбираться с пространным и не очень внятным расписанием под стеклом на стенке у титана. Через пару минут он вернулся и сообщил, что вот сейчас остановка, потом ещё какая-то «Дзынь», а потом Гудаута. Мы подготовили наши чемоданчики к десантированию и смиренно сели на полочку, дожидаться нашей станции. Мне вдруг пришло в голову: вот как правильно англичане называют пункт назначения своего путешествия - *destination*, а судьбу – *destiny*, в конце путешествия точно есть что-то от судьбы и предназначения.

Поезд стал плестись неспеша, притормаживая время от времени, потом опять лениво и плавно разгоняясь с пыхтением и металлическим лязгом сцепов. В поезд ещё с ночи вползла и застыла какая-то особенная южная жара, мы сидели в дремотной лени и ждали прибытия. Наконец поезд остановился и замер на несколько минут. Мы слышали, как открылись двери вагона и с лязгом откинулся лючок лестницы спуска на платформу. Мы вылупились из приоткрытого окошка, но здание вокзала с надписью станции не увидели, оно было далеко впереди, а из нашего хвостового вагона был виден только выжженный солнцем пустырь с поникшей жухлой жёлтой травой, какие-то кусты, пара пирамидальных тополей и пара каких-то станционных сараев. На гостеприимный курортный город, в нашем представлении, это совсем было не похоже.

«Это, наверное, та самая «Дзынь», а следующая наша», — неуверенно предположил Сашка. Двери вагона закрылись, и поезд медленно покатился вперёд. Мы стояли у окна и увидели, как мимо нас плавно проплывает небольшое здание вокзала с гостеприимно распахнутыми деревянными дверями и надписью крупными коричневыми буквами на фронтоне — «Гудаута»! Очевидно, наш поезд, который реально останавливался «у каждого столба», и мы уже так к этому привыкли, что и не удивились виду пустыря на остановке, либо не доехал до платформы, либо просто наши хвостовые плацкартные вагоны не дотянули до неё. А может, и то, и другое.

Мы в панике заметались по вагону, мысленно хватая за обшлага фирменной куртки и трясли проводницу, проклиная всё на свете, и, не очень соображая, что же нам теперь делать, объясняли этой полупьяной дуре, что с этой минуты у неё в вагоне едут два «зайца» и эти «зайцы» — мы! И, главное, непонятно, куда мы теперь едем! Она махнула рукой, ухмыльнулась, типа — не парьтесь, и просипела: «Сойдёте на следующей». Какого хрена «на следующей»? И когда будет эта следующая? И как нам от этой следующей добираться обратно до Гудауты? На встречном поезде?

Спустя минут десять, паника прошла, мы слегка охолонули и вытащили свои пожитки в тамбур поближе к дверям, чтобы уж точно не пропустить эту неизвестную «следующую». Потом, уткнувшись носами в чёртовое настенное расписание, мы разобрались, что Сашкина «Дзынь» была станцией Бзыбь, настолько маленькой, что мы либо не заметили, как поезд притормозил на ней всего на минуту, либо мы благополучно проехали её ещё до Сашкиного похода к расписанию.

А вообще, надо признаться, несмотря на продолжительность поездки в поезде, и на относительный дискомфорт, и скученность пассажиров в срочно понадобившемся тебе нужном месте, я, все же, больше люблю поезда и ненавижу самолеты. Аэропорты у чёрта на рогах, до которых надо несколько часов добираться, с их бесконечными регистрациями, проверками документов, томительными ожиданиями в очередях, сдачей багажа, с их дурацкими унизи-

тельными шмонами, когда тебя раздевают и разувают в какие-то поддончики, всё просвечивают рентгеном, отбирают недопитые бутылочки с водой и чрезвычайно опасные щипчики для ногтей, с помощью которых ты, возможно, захочешь захватить воздушное судно и угнать его куда-нибудь к папуасам! Не говоря уже о непременных моментах охватывающего животного ужаса при взлете, посадке, турбулентности и невесомости в воздушных ямах.

Совсем другое дело поезд! Сел спокойненько, устроился на мягком диванчике, расслабился, вагон тебя покачивает, колёса постукивают ды-дык, ды-дык, а ты дремлешь себе на полочке и с каждым «ды-дыком» приближаешься к месту своего назначения. И особенно хорошо, если в поезде есть вагон-ресторан. Тогда даже самая долгая поездка превращается в приятное времяпрепровождение. Сидишь себе за накрытым столом у огромного окна, любишься проплывающими пейзажами, и неторопливо закусываешь чем-нибудь вкусненьким какой-нибудь правильный напиток. Можно так целый день и просидеть. И с удовольствием. И даже не один.

В нашем «Москва – Батуми», к сожалению, вагона-ресторана не было. Кстати, в итальянских поездах, по крайней мере в тех, в которых я ездил уже позже, вагонов-ресторанов тоже не было, как ни удивительно, при такой приверженности итальянцев что-нибудь всё время есть и пить. Наверное, это потому, что всю Италию можно проехать из конца в конец от Альп до Сицилии на хорошем скором поезде за какие-то восемь часов. Ну, за десять. Некогда особенно разъезжаться! И вообще, надо сказать, после поездок в итальянских поездах, я понял, что наш бардак на железной дороге, который принято повсеместно ругать, — это, по сравнению с бардаком итальянским, просто мелкие сбои в работе стройной системы. Вот послушайте.

Довелось мне как-то ехать в поезде по Италии от Скалеи, города на самом юге Италии до Милана, который, как известно, находится на севере, наверху благословенного «сапога». Правда, эта поездка состоялась много позднее описываемой мной истории с поездом до Гудату, лет эдак почти на сорок, но она весьма показательна. Билеты на этот поезд я брал заранее в Москве, ехать предстояло всю ночь, поэтому билеты были в спальные вагоны. А в патриархальной Италии есть неожиданное для нас, россиян, деление купе на «женские» и «мужские», прям как туалеты. И мужчине никогда не продадут билет в женское купе, и точно в него не пустят, и наоборот – женщину в мужское, да она и сама не пойдёт, хоть режь. И если в мужские купе все билеты проданы, а в женских полно пустых мест, всё равно – для мужчины билетов нет! Вот так.

Билеты я приобретал через Интернет, и если на начало лета «туда», из Милана в Скалею, я спокойно взял на всё моё путешествующее семейство просторное купе на четверых, то на конец августа «обратно», из Скалеи в Милан, выбора уже не было никакого. Дело в том, что в это время итальянцы дружно возвращаются с побережья после общенационального месяца отпусков, когда все поголовно предприятия закрываются на весь август и вся Италия скопом, со своими чадами и домочадцами, отправляется к морю отдыхать. Работают только рестораны, обжорные рынки и аттракционы. Благословенное время под названием «феррагоста». Поэтому всё, что мне удалось взять на нужную дату в конце августа были два билета «мужских» для себя и старшего сына в шестиместное купе, (да, есть у них такие), а для жены и трехлетнего младшего сынишки в двухместное «женское», где им полагалась одна полка на двоих, нижняя, а на другой, верхней, должна была ехать ещё какая-то итальянская матрона, ну или молодая синьорина. И то, что случилось добыть такие билеты можно было считать большой удачей. Просто повезло!

И вот настал день отбывать нам из Скалеи в Милан, где мы должны были пересесть на поезд «Ницца – Москва». Прибываем на вокзал Скалеи загодя, зная, что наш ночной поезд «Реджо-Калабрия – Милан» останавливается в Скалее всего на три минуты, а у нас «мужские» билеты в первый, а «женские» в третий вагон. На вокзальном табло под часами, на которых стрелки уже приближаются к полуночи, прочитываем сообщение, что поезд опаздывает с при-

бытием на 20 минут. Ждем. Вскоре появляется новое сообщение, что поезд задерживается на 30 минут. Потом – на 40. Идем с чемоданами, сумками, сложенной прогулочной коляской и детьми в сторону того конца перрона, где, по идее, должна остановиться голова прибывающего поезда, исходя из простого и естественного соображения, что там должны быть первый и третий вагоны.

Наконец, поезд подкатывает к платформе, обгоняя нашу сонную процессию. Бежим вдогонку за тепловозом к голове поезда и, добежав, видим, что сразу за тепловозом пристёгнут вагон номер девять. А стоянка-то три минуты! Орём, как нам кажется, по-итальянски: «Где третий вагон?», выразительно растопыривая три пальца. Люди в форме на тепловозе как будто нас понимают и машут рукой в сторону конца поезда. «А первый?» - один палец. Машут в ту же сторону. Несёмся к концу поезда со всем своим скарбом и детьми. Пробегаем, обливаясь горячим южным потом, мимо девятого вагона, десятого, одиннадцатого, двенадцатого. После двенадцатого идет пятый, потом первый, второй и третий. Служители подбадривают нас свистками – стоянка заканчивается. С низкой платформы взбираемся по ступенькам и вваливаемся все в третий вагон, затаскивая чёртovy чемоданы и коляску. Главное – сесть, потом будем разбираться.

Времени уже почти час ночи по-итальянски, по Москве, соответственно, около трех. Младший ребенок не спит и, похоже, спать не собирается, очень довольный такой суетой и беготнёй. Пропираемся все вместе со всем барахлом через уже спящий третий вагон и находим купе, где должна разместиться жена с маленьким. В свете, падающем из коридора в открытую дверь купе, убеждаемся, что их полочка внизу свободна, а на верхней полке недовольно ворочается потревоженная светом и шумом нашей погрузки женщина средних лет в розовой пижаме в чёрный горошек. Оставляем чемодан жены и коляску в этом купе, прощаемся на ночь, и продолжаем со старшим сыном пробираться по поезду через грохот и танцующие под ногами стальные листы полуметровых горбылей стыков тамбуров к нашему с ним первому вагону. Вот, добрались, наконец, до первого вагона, который пристегнут, почему-то в середине состава, и находим наше купе. Осторожно отодвигаем дверь купе, чтобы не разбудить спящих там итальянских мужиков и... на нас выкатываются с обеих сторон двери с верхних полок четыре женские головы разных возрастов, с прищуренными со сна из темноты купе на свет коридора глазами. Почему-то у итальянцев принято спать головой ко входу, а не к окну, как у нас, и все четыре головы торчат в раме дверного проема – пара на уровне моей груди и ещё пара немного выше уровня моей головы. Две наши нижние полки вакантны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.